

Вечерняя предпраздничная суэта на улицах столицы накануне выхода нового сатирического журнала «ЧУДАК» (издание Анц. Изд. О-ва «ОГОНЕК»).

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
„Б“ 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 предмет.
„В“ 3 р. — к. Домашняя аптечка с спец. ящиком для хранения лекарств—24 предм.
„Г“ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„И“ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылаются не менее 3 шт.)

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД
И. А. СЕМАШКО
МОСКВА

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылки № 7.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишется на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Прейс-куррант высылается **БЕСПЛАТНО**.

И. Эльзашборг.

РАВВИН И ПРОСТИТУТКА

Роман. II. 2 р. 20 к. Высыл наложен. платежом Москва 9, ул. Герцена, 22/0 „Московск. Товарищество Писателей“

ЖЕМЧУГ исключ. красоты, франц. типа, не отлич. от настоящ. жемчуга, неблещ. омерзелье, розм. 45 сант. с сер. замк. 9 р., 60 сант. с сер. замк. — 11 р., 100 сант. — 16 р., 130 сант. — 20 р., 150 сант. — 23 р. Серьезно сер. замк. — 4 р. Высыл. наложен. платеж. Перес., упак. и страх. беспл. Москва, Почтамт, ящ. № 721/0 М. И. ВАСИЛЬЕВОЙ.

ПРИВОР ПРОТИВ КУРЕНИЯ „НЕ КУРИ“

Испытан. Гос. Научн. Институтом Разрешен наркомздравом На каждом приоре — место, номер **Свид. Ком. по Дел. Изобр.** 17626 Требуется только способ употребления, изобретатель. Цена 3 р. 75 коп. вкл. нал. плат. при фд. в 2 р. (можно почт. марк.) При 3-х шт. перес. бесплатно. (Имеются мужские и женские). МОСКВА, почт. ящ. 733. З. Таилян.

ВЫШЕЛ СПРАВОЧНИК (2-е изд.)

ЗАОЧНЫХ ГОСКУРСОВ

КРОЙКИ И ШИТЬЯ

Цена 20 к. марками.

Москва, Тверская, 13.

Первое издание 10.000 экземпляров.

2-е исправлен. издание

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

716+VIII стран., с 64 иллюстр. на отдельных листах меловой бумаги.

Цена, без перепл. 5.50, в кол. перепл. 6.50.

Высланные деньги вперед за пересылку не платят.

ИЗД-ВО „АКАДЕМИЯ“.

Москва, 9, Тверская, 26/0.

ХОУДОЖЕСТВ. ПОРТРЕТ

увеличен. **ПОРТРЕТ** может каждый прислав получить любую фотографическую карточку.

Цены: 18×24 см. 5 р. 50 к., 24×30—7 р., 30×40—10 р., 40×50—14 р., 50×60—20 р.

АГЕНТАМ И ФОТОГРАФАМ СКИДКА. Заказы выполняются быстро и аккуратно. Высыл. налож. платежом без задатка. Оригиналы возвращаются.

Худож. Ателье „ФОТО-АРС“ Москва, пр. Худож. театра, д. 1, п. 15. Заказы направлять: Москва 9, почт. ящ. № 346. А. М. Рубинштейн.

ЗАРАБОТОК НА ДОМУ

дают легкие кустарные производства. Не требуют больших затрат, спец. оборудования и помещения. Проспект заочного обучения высыл. за две 10-коп. марки. Адр.: Киев, Главная Почта, ящик 139, И. И. Перекрестову.

ЗАОЧНЫЙ КУРС БУХГАЛТЕРИИ

Популярные лекции СЧЕТОВОДСТВА в 2-х брошюрах. С пересылкой—1 р. 50 к.

Пишите: СТАЛИНГРАД, почт. ящ. № 37. А. П. ХРЕНОВУ.

За год разошлась

41.000

копий, изданий

ГОТОВЬСЯ В ВУЗ

ПОСОБИЕ ПО ПОДГОТ. В ВЫСШ. УЧЕБН. ЗАВЕДЕНИЯ (математ., физ., русск. яз., обществ.—7 кн.). 1-я и 2-я кн. русск. Все издание будет закончено к январю 1929 г. УСТ. ПОДП.: за 7 кн.—13 р.; при подп. в расср.—за 3 р. ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫХ БЕСПЛАТНЫХ ПРОСНКТ.

Заказы и деньги направлять: МОСКВА 19, Воздвиженка 10. Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“.

ГОСИЗДАТ

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

проф. В. К. МЮЛЛЕР и проф. С. К. БОЯНУС

АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

Под общей редакцией О. Ю. Шмидта.

Издание Акц. Общества „СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“

40.000 слов

с указанием произношения в интернациональной фонетической транскрипции

Стр. 1424. Ц. в коленкор, перепл. 3 р. 50 к.

Заказы направлять в ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА—МОСКВА, Центр, Вогоявленский пер., 4, тел. 2-65-31. И ВО ВСЕ МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ГОСИЗДАТА РСФСР.

По почте книгу высылают наложен. платежом по получении задатка 1 руб. (можно почтовыми марками).

Москва 64, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ“.

ТЕА-КИНО-ПЕЧАТЬ

МОСКВА 9, СТРАСТНАЯ ПЛ. 2/0

Открыта подписка на 1929 год

НА ЖУРНАЛЫ:

„СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР“

ОРГАН ГЛАВКУЛЬТУРЫ

Еженедельн. иллюстрирован.

журнал. 52 номера в год

Годовые подписчики ПОЛУЧАТ

16 БЕСПЛАТНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ 16

6 книг юбилейной серии

Московского Художественного Театра

П. С. Ноган. — „Общественное значение МХТ“.

Юрий Соболев. — „На заре Художественного театра“.

Любовь Гуревич. — „К. С. Станиславский“.

Юрий Соболев. — „В. И. Немирович-Данченко“.

Н. Телешов. — „Кого не стало“.

Н. Телешов. — „Музей МХТ“.

8 оперных либретто (полный текст).

Театрально-Музыкальный

Справочник на 1929 год.

ВОЛКОНСКИЙ, КАВЕРИН и ПОПОВ

„Постановки малых сцен“.

ПОЛУГОВОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ

8 БЕСПЛАТНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ 8

Подписная цена в год—

10 р., 6 мес.—5 р., 3 мес.—

2 р. 50 к.

„КИНО И КУЛЬТУРА“

Под редакцией: П. А. Бляхина (ответств. редактор), К. И. Шутко и К. Ю. Юкова.

Журнал „КИНО И КУЛЬТУРА“ выходит взамен журналов „Советское Кино“ и „Кино-Фронт“.

Размер журнала 6—8 печатных листов.

ЖУРНАЛ является боевым органом советского кино, и его основная задача освещать все стороны и углубленно различные вопросы теории, методики и практики как советской, так и мировой кинематографии.

ЖУРНАЛ содержит следующие отделы: Политика и кино.

Экономика кино. Теория.

Техника. Производство. Эксплуатация. Наука и кино. Детское кино. Политпросветработы с кино. Кино и общественность. Кино-образование.

Информация о советской и зарубежной кинематографии и проч.

Условия подписки:

На год—7 р. 50 к. На 6 мес.—4 р. На 3 мес.—

2 р. 25 к.

Цена отдельного номера—

75 коп.

ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, 9, Страстная пл., д. № 2/42, ТЕА-КИНО-ПЕЧАТЬ.

ХХ 196
13

Огонек

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 51 (299). 16 декабря 1928 г.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Заседание съезда ЦИК СССР IV созыва в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца во время обсуждения доклада о едином государственном бюджете Союза.
Фот. С. Фридлянда.

В 1929 году исполняется 25 лет со дня смерти Антона Павловича Чехова. „Огонек“ дает своим читателям собрание сочинений этого несравненного мастера художественного слова. Произведения Чехова будут сопровождаться статьями и комментариями наших лучших критиков-марксистов и знатоков творчества Чехова. Кроме того, в журнале „Огонек“ будет напечатан ряд статей, всесторонне характеризующих многообразное творчество писателя.

В настоящем номере предлагаем вниманию читателей статью Л. П. Гроссмана о письмах Чехова, являющихся выдающимся образцом эпистолярной литературы и по силе равных письмам Пушкина.

ПИСЬМА ЧЕХОВА

Статья Леонида Гроссмана.

„Письма Чехова похожи на его рассказы, — заметил один читатель, — от них трудно оторваться“...

И действительно, эти листки авторской переписки увлекательны, как художественное повествование. Чехов, несомненно, относился к своим письмам, как к литературному явлению. Он придавал им разнообразное построение, тон и стиль, в зависимости от основной темы своего сообщения. Он заострял и расцветивал их, как произведение словесного искусства.

У него есть письма-фельетоны, письма-пародии, письма-очерки и письма-диалоги. Летучие странички отрывочного дневника, они полны юмора и лиризма, характерных портретных штрихов и живописных подробностей. Это не будничная почтовая проза, это особый вид литературного творчества.

Трудно охватить все их глубокое и разнообразное значение. Однако же важные в деле понимания личности и творчества Чехова, они в равной степени нужны его биографу, критику и читателю. Своим богатым запасом раздумий о творчестве они открывают целую школу писательского искусства, излагая обширный кодекс литературных законов. Являясь по своей форме и языку одним из крупнейших событий русской эпистолярной литературы, они охватывают разнообразными случаями действительности и как бы сообщают ряд жизненных советов своему читателю.

Но прежде всего эти сборники писем важны, как богатейший материал для понимания их автора.

Они вскрывают многие приемы творчества этого тончайшего художника, выясняют систему его писательской техники, с новой четкостью обнаруживают основные принципы его поэтики и окончательно определяют его умственные симпатии, литературные влечения и художественные вкусы. Обычный эскизный облик писателя в читательском представлении благодаря этим письмам заполняется красками и выступает рельефами.

Широкие полосы света льются от этих страниц и в тайники чеховского характера. Выясняется постоянная неудовлетворенность этого врача и практического деятеля своей замкнутой писательской работой, обнаруживается вечная тяга его от рукописей и корректур в водоворот непосредственной жизни со всеми ее великими волнениями, уродливыми несовершенствами и гнетущими страданиями. Все острее прорывается с годами эта тоска пассивного наблюдателя по широкому жизненному строительству, все определеннее Чехов-деятель заслоняет Чехова-созерцателя.

В один из самых грустных моментов человеческой жизни — „на полпути земного бытия“, когда молодость прошла, а старость еще не наступила, — в эту заветную для всех эпоху полного расцвета жизненных сил, которая для Чехова явилась грозной предвестницей неустрашимого близкого конца, в нем с редкой энергией выступил Фауст-строитель, осушающий болота на благо человечества, чтобы заглушить великую тоску своей мысли, истомленной в тишине лабораторий.

Все это отчетливо выступает из его писем. Но еще заметнее их чисто-литературное значение. Как совершенные образцы эпистолярного жанра, листки чеховской корреспонденции достойны стать рядом с ве-

личайшим шедевром этого рода — с письмами Пушкина.

При всем различии их авторов, много общих свойств роднят эти два архива писем. Редкая непосредственность, изумительная живость легкого и как бы порхающего юмора, неожиданно приобретающего глубокие ноты взволнованной серьезности, когда речь заходит о значительном и важном, — таковы общие черты их переписки.

Оба они умели о самых сложных вопросах говорить с неомрачаемой ясностью и светлым спокойствием. Ничего общего в их дружеских посланиях с письмами Белинского, Гоголя или Достоевского, в которых все напряженно-серьезно, где строятся и разрушаются целые философские и политические системы, где авторы выступают и публицистами, и проповедниками, и судьями, и кающимися.

В чеховских письмах даже грустные страницы охвачены согревающей мягкостью всех его писаний. Он умеет всюду сохранить эту прозрачность и внутреннюю озаренность тона с обычным, как бы врожденным изяществом формы. В описаниях и характеристиках, в пейзажах и портретах он неизменно набрасывает легкие эскизы, напоминающие тонкие наброски пером английских художников-юмористов. Здесь та же воздушность и блеск штриха, та же выразительная законченность беглой зарисовки.

Вот, например, портрет Максима Ковалевского, с которым Чехов познакомился в Ницце:

„Это высокий, толстый, живой, добродушнейший человек. Он много ест, много спит и очень много работает — и с ним легко и весело. Смех у него раскатистый, заразительный“.

Несколько строк достаточно для выпуклого портрета. Виртуоз художественной миниатюры сказывается на каждом шагу. Чехову никогда не нужны были широкие пространства и свободные дали романа, — несколько печатных страничек были достаточны ему для изображения самых трагических случаев. Неудивительно, что листок почтовой бумаги служил ему канвой для сложных творческих узоров.

Письма Чехова освещают во всех направлениях его рабочую мастерскую. Новый свет проливается от них и в художественную студию, и в экспериментальную лабораторию этого поэта-натуралиста.

Методы чеховской работы обнаруживаются прежде всего в его советах другим писателям. Здесь раскрывается целая школа для беллетриста, намечаются пути для разрешения труднейших проблем стили и композиции.

В этом отношении письма Чехова могут стать рядом с знаменитой корреспонденцией Флобера.

Главной художественной добродетелью для Чехова остается до конца краткость. Он указывает Горькому на необходимость делать описания природы компактнее, короче, „атак в 2—3 строки“. Он советует ему безжалостно вычеркивать эпитеты в корректуре, так как в мозгу читателя „беллетристика должна укладываться сразу, в секунду“.

„Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация... То же и в литературе. „Вы не умеете экономить“, — вот вечная сущность его критических замечаний.

Он со всей строгостью применяет это правило и к собственной работе: „Я занят, занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю“, — изображает он процесс своей творческой работы. „Я остриг корректуру, чтобы сделать ее легче“, — сообщает он одному из своих редакторов.

При этом он не перестает обращать внимание на внутреннюю красоту фразы, на ее ритмичность и музыкальность.

„Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно в ней я заканчиваю рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны“...

Он дает подробные указания одной писательнице об отделке стили до степени мелодического совершенства:

„Вы не работаете над фразой; ее надо делать, в этом искусство. Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от „по мере того“, „при помощи“, надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом „стала“ и „перестала“.

Со строгостью поэта к благозвучию каждого словесного сочетания он указывает одному врачу, что заглавие журнальной статьи „Очерки санитарной статистики“ — неудачно, „так как содержит много с и много т“.

Для определения его творческого метода важное значение имеет его указание об умении писать только по воспоминаниям и никогда непосредственно с натуры. Его вечная работа об экономии литературных средств заставляет его выжидать, чтобы память процедила сюжет и чтоб на ней, как на фильтре, осталось только важное или типичное.

Творчество Чехова было тесно связано с его первоначальной профессией — медициной. Мы знаем, что Чехов-врач неотделим от Чехова-писателя. Пройденный им медицинский факультет и последующая врачебная практика наметили метод его художественной работы, сообщили богатейший житейский материал для обработки и, возведя четкое здание его мировоззрения, беспрестанно углубляли и проясняли его жизненную философию.

Письма Чехова подтверждают его неизменную приверженность школе Дарвина и Клод-Бернара. Он с гордостью указывает своим корреспондентам на свое звание врача, „человека, посвященного в тайны эскулапии“. События медицинской жизни занимают и волнуют его несравненно сильнее литературных. Об успехах и открытиях в этой области он сообщает своим друзьям не только с радостью мыслителя-гуманиста об избавлении человечества от страданий, но с глубоким удовлетворением медика за новое торжество своей науки над темными силами природы.

Обычно врачебная деятельность у него на первом плане. Не только у себя в деревне он уделяет все свои утра приему больных. В Ницце, где ему самому приходится лечиться, он продолжает врачебную работу, и даже сам отправляется в аптеку, чтобы показать фармацевту-французу, как приготовить лекарство для своих пациентов.

С годами, повидимому, эта потребность усиливается в нем. Письма последних томов пестрят медицинскими советами, латинскими терминами и десятичными дробями с непререкаемыми формулами: „через два часа по столовой ложке“. Между

НАШИ ФОТОГРАММЫ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПО ДОШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ. Съездом поставлен вопрос о необходимости привлечения к делу дошкольного воспитания всей советской общественности. Пропаганда правильного воспитания дошкольников в семье должна вестись по линии развертывания работы консультаций и подготовки женского актива из матерей, для чего предполагается открыть ряд курсов.

Фот. А. Шайхета.

ЛЕКЦИЯ О ТЕРМЕНОПЕКСЕ. В Москве состоялась первая лекция - концерт профессора Е. М. Враудо и артиста К. И. Ковальского, посвященная показу терменпекса. Терменпекс — аппарат, изобретенный советским инженером Львом Сергеевичем Терменом — дает возможность получения музыкальных звуков электрическим путем. Инструмент обладает чрезвычайно приятным и сильным звуком.

Фот. А. Шайхета.

БЮРО СТЕНОТИПИСТОВ. Севзапсоюз открыл в Ленинграде первое бюро стенографистов. Стенограмма передается по обыкновенному телефону, для чего рабочее место снабжено шлемом, 2 наушниками и микрофоном. Телефонные звонки заменены световой сигнализацией. Нововведение вполне оправдало себя и заинтересовало ряд учреждений. На снимке: стенографистки за работой.

дружеской шуткой и сердечным признанием здесь стоит неизменно врачебный рецепт.

В краткой автобиографии, приложенной к одному из писем, имеется ценное признание самого Чехова, о роли медицины в его художественной работе:

„Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно продвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе“.

В 1897 г. окончательно выяснилась смертельная болезнь Чехова. К этому времени в письмах его начинает звучать лейтмотив приближающейся смерти. К этому моменту относится трагически лаконичная записка его к одному из московских друзей. В ней только два слова, — но она звучит, как смертный приговор:

„Идет кровь“.

Обреченный Чехов почувствовал сильнейший прилив любви к жизни и к жиз-

ненной деятельности. В этот период его постоянная культуртрегерская работа приобретает редкую интенсивность.

Словно в виду близкого конца он стремится осуществить столь ценный им завет корана и оставить после себя как можно больше вырытых колодезев.

Письма этой поры — летопись широкой просветительной деятельности: постройка школ, устройство библиотек и музеев, хлопоты по организации санаториев и народных театров заполняют его жизнь и успокаивают от разочарования в литературной работе.

Результаты этой практической деятельности огромны. Он оставляет три образцовых школы в Мелихове, он добывает деньги для постройки Мухоматского училища в Крыму и устройства Пушкинской школы в Ялте; он хлопочет об устройстве санатория для алкоголиков, он мечтает открыть в Москве книжный склад для провинциальных читателей.

Отовсюду он высылает книги в созданную им таганрогскую библиотеку, всюду он собирает материалы для нарождающегося исторического музея Приазовского края. Выбор и количество отсылаемых им книг обнаруживают редкую любовь и понимание потребностей библиотечного дела. Критическая литература, атласы, истории и энциклопедия, — все это направляется из Москвы или Парижа в маленькое созда-

ющееся книгохранилище далекой провинции.

Его надежды на грандиозный рост культуры в ближайшем будущем непоколебимы.

Он верит, что через 25—40 лет для провинциальной библиотеки потребуются пятиэтажное здание, что на каждой улице к тому времени будет по театру.

Уходящий из жизни Чехов в своем обращении от литературы к жизненному строительству как бы безмолвно учит нас, что „в деянии начало бытия“.

Письма Чехова — великая школа жизни. Без проповедей и громогласных заветов, шути и словно лаская своего читателя, они воспитывают в нем художественный вкус и благородную умственную трезвость, стремление к неустанной активности, крепкую волю во всяком жизненно-ценном деле и неодолимую тягу ко всему человечески значительному.

Эти заветы простой и высокой мудрости, выраженные тем языком, который стремится только быть прозрачной оболочкой, озаряющей мысли, принадлежат к немногим словам, органически сливающимся с жизнью. На них должны одинаково воспитываться деятели творческой мысли и люди незаметного труда.

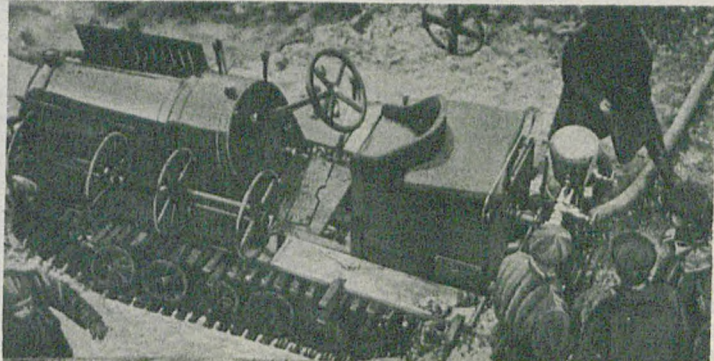
Вот почему собрание чеховских писем стоит в ряду лучших книг русской литературы.

Леонид Гроссман.

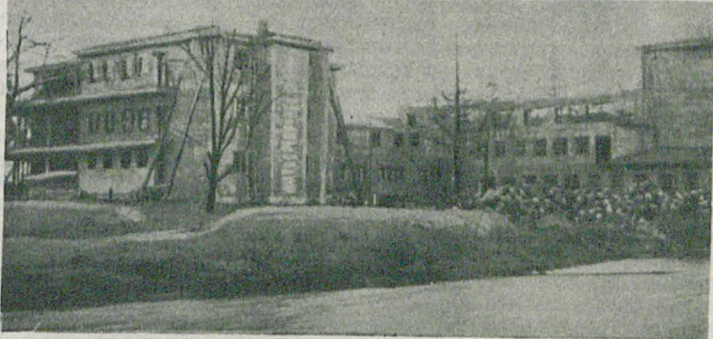
ШТОРМ НА ЧЕРНОМ МОРЕ. Небывалый шторм разразился на Черном море. Движение судов было нарушено. От семи иностранных судов были приняты сигналы о бедствии. На снимке: шторм у берегов Одессы.

Фот. П. Шекера.

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ПОЖАРНЫЙ ТРАКТОР. В Москве производились испытания 1-го советского пожарного трактора, конструкции начальника пожарной охраны МОГЭС—С. С. Каширина. Трактор дает в минуту 110 ведер из 6 рукавов, движется со скоростью 15 километров в час и легко берет крутые подъемы.

Фот. С. Фридриха.

НОВЫЙ ДОМ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РАБОЧИХ. При ленинградском заводе „Большевик“ закончен внешней постройкой новый Дом Культуры для рабочих. Работы по устройству и оборудованию внутренних помещений здания будут вестись зимой.

Фот. С. Шемин.

ПОЛЕТ МОЕГО ШАРФА

Очерк М. Шкапской.

Бойкий ташкентский извозчик мчал меня по пыльной белой дороге, окаймленной тополями. Легкий цветистый шелковый шарф, настоящий ферганский шарф—золотой, с красными и синими солнышками, лиловыми и зелеными звездами, подхваченный порывом ветра, слетел с плеч и, как длинное крылатое существо, долго летел по воздуху, изгибаясь подобно золотой змее. Сел на куст, жалобно потрещал, как будто пытаясь сорваться, а потом долго не давал себя снять, цепляясь тонкими золотистыми шелковинками за острые колочки джидды.

И мне показалось на минуту, что это и в самом деле живое существо. И, вероятно, это немножко и было правдой.

Тихий, задумчивый, похожий на курорт, городок—когда-то Скобелев, нынче Фергана—по имени всей области, расположен в высокой местности. Самые улицы его похожи на длинные сады, и каждый дом причется за зеленой изгородью.

Дом, который мне был нужен—белый, каменный дом,—тоже спрятался за зеленой оградой. И не только сам дом, но и все остальные, примыкающие к нему строения, широко раскинувшись по зеленому участку.

Это—огромные сараеподобные здания-казармы, с широкими воротами вместо дверей. Входишь внутрь и чувствуешь себя так, как будто попал во внутренности какого-то гигантского музыкального инструмента: особые приспособления, похожие—где на рамы, где на клетки, и между ними бесконечное количество нитяных струн, перекрещивающихся между собой, словно целый лес арф, приготовленных для оркестра.

Почти круглый год здания эти тихи и пусты. Живут они каких-нибудь три месяца в году—в самый разгар знойного среднеазиатского лета. Но зато в эти месяцы они подобны огромным жужжащим ульям. Сотни рабочих заполняют казармы, снуют между зданиями, рассыпаются по всему участку.

Участок этот принадлежит ферганскому грензаводу.

Странный завод! Не машины, не станки и не инструменты являются частями заводского организма, как привыкли мы к этому на наших крупных заводах. Вместо всяких сложных приспособлений—это вот арфы, эти нити, эти струны, и вместо гула машин—только легкий, почти неслышимый шорох крохотных крылатых существ—бабочек-шелкопрядов. Здесь, на этом своеобразном заводе, они и двигатели, и они же главный рабочий персонал. Своей роли они и не подозревают, конечно, эти миниатюрные бессознательные человеческие сотрудницы. Они делают только простое, немудреное свое дело, положенное им природой: выходят на свет из кокона, отыскивают себе пару, любят, откладывают

яички и умирают. Но естественные физиологические процессы эти обращены человеком в индустриальные; незатейливой своей жизнью они выполняют огромное серьезное задание, поставленное им человеком.

Грензавод, это—завод для выработки целлюлярной, т.-е. микроскопически проверенной, обеззараженной и тщательно подобранной грены, или личек шелковичного

идет приемка и сортировка коконов. Если есть хоть малейший дефект—по цвету, по весу, по легкому нездоровью—кочок на завод не будет допущен, его заморят в морильне, и он пойдет в размотку на шелк, недостойный чести стать родоначальником нового поколения.

А из отобранных коконов еще отбор—наилучших на племя, на продление крепкой устойчивой расы—прародительницы шелковичных червей; остальные же пойдут на производство обычной грены, которая будет продана населению для промышленных целей.

Вот эти-то избранные коконы и поступают в казармы, похожие на музыкальные ящики. Огромные арфы плотно гарнируются коконами—в каждой клеточке отдельный кокон. За всеми процедурами—сбора, привоза, приемки—прошло уже дней 10—12 с тех пор, как они завернулись. Еще два—три дня, и из них должны начать выходить бабочки. Надо не упустить этот момент. Весь завод приходит в состояние напряженного ожидания. В огромных казармах при помощи аэризации может поддерживаться более высокая или более низкая

температура, которая позволяет замедлять или ускорять выход бабочек. Надо отрегулировать этот выход так, чтобы рабочие руки могли за ним поспевать. Сотни рабочих напряженно следят за коконами. В каждом из них уже давно созрела бабочка—крупная, несколько тяжелая, с минуты на минуту она шевельнется и попытается выйти из своей тюрьмы. Обычно выход происходит по утрам. Кокон потемнел, как бы отсырел с одного конца, и в образовавшееся отверстие выползает бабочка, рядом—другая, третья, сотая, тысячная... Одна за другой выползают они

на свет для выполнения своего биоиндустриального долга. Их тщательно рассортировали—на каждой арфе было, примерно, равное число мужских и женских коконов. Медленными, неверными движениями передвигаются самки—обычно они остаются у самого кокона; тяжело перепархивают самцы, все-таки даже и в одомашненном этом виде проявляя некоторую активность—слабое воспоминание о полетах предков.

Пять тысяч лет культивирует человек шелковичного червя. Все утонченнее и промышленно выгоднее становится порода, все грузнее и беспомощнее ее представители. Целый ряд признаков, отличавших их в диком состоянии, исчез. Гусеница, как овца, уже не может жить без человека; беспомощное создание лишено возможности даже доползти до корма, а позже, уже в виде бабочки—даже улететь куда-нибудь в поисках любимой. Но человек сам позаботился о том, чтобы она была близко.

Шелковичные черви.

червя, — основы всего среднеазиатского шелководства. Папилонаж — так называется сезонная работа.

Вокруг завода—круг червоводов, которых знает гренер. Чистота породы, родословная, характеристика червовода, вес, размеры, качество кокона,—все это принимается в соображение. Кокон ощупывают, нюхают, разглядывают, взвешивают.

Книги записей червоводов, поставщиков племенного материала—это своего рода генеалогические книги. Этих червоводов инструктируют, снабжают их бесплатно греной для того, чтобы поставить под кон-

Нарезка тутовых листьев на корм шелковичным червям.

троль выкормку червя и обеспечить себя доброкачественным материалом.

Но контроль этот недостаточен, могут быть индивидуальные недочеты в каждой партии. И вот ежегодно, под большим наветом, защищающим от палящего солнца,

„УЧЕНЫЙ ХЛОПОК“

Еще задолго до Ташкента по обеим сторонам железной дороги видны низкорослые кустарники с сидящими на ветвях коричневыми коробочками.

К октябрю коробочки открываются, показывается хлопок, и поля усеиваются белоснежными пятнами. Начинается сбор хлопка, этой основы будущей индустриализации Средней Азии.

Египетский хлопчатник на опытном поле.

Но местные сорта хлопчатника, так называемой гузы, дают сравнительно небольшой урожай, и, главное, хлопок получается плохого — по сравнению с египетскими и американскими сортами — качества.

Правильно и научно поставленные посевы хлопчатника требуют предварительного изучения условий, при которых тот или иной сорт хлопка наиболее целесообразен в тех или иных местных условиях.

Эта работа выполняется уже в течение ряда лет Ташкентской селекционной станцией, выращивающей сорта хлопчатника, лучше всего пригодные для соответствующих районов Средней Азии.

Селекционная станция расположена в 10 километрах от Ташкента, на левом берегу арыка (оросительного канала) Боз-су, немного выше головы арыка Салар, который орошает Ташкент.

Широко и просторно разбросаны опытные поля, участки и строения селекционной станции. Несмотря на это, тесно селекционной станции: усиленно строятся новые здания, расширяется оранжерея для тепличных опытов над сортами хлопчатника.

Основная задача селекционной станции состоит в изучении и подборе семян хлопчатника, приспособленных к условиям Средней Азии. После отбора нескольких сортов начинается селекционная работа в целях подъема урожайности сырья и повышения его качества. Качество урожая определяется как выходом волокна, так и его длиной и крепостью.

Подсобные учреждения станции расположены в центральном двухэтажном здании лаборатории, где упорно и кропотливо подводятся итоги и делаются выводы, которые затем проверяются на опытных полях станции. Рядом с лабораторией находится оранжерея, где круглый год поддерживается одинаковая летняя температура. При этой температуре выращиваются некоторые сорта египетского хлопчатника с особенно ценным волокном, в надежде, что в конце концов его удастся акклиматизировать в Средней Азии. Летом и осенью громадный куст египетского хлопчатника, достигающий вышины человеческого роста, находится на опытном поле. Зимой его переносят в оранжерею.

В центральном помещении лаборатории селекционной станции положено начало к созданию большого научного и учебно-показательного естественно-исторического музея, посвященного различным культурам хлопчатника.

В целях контроля выводов селекционной станции и всесторонней провер-

ки свойств семян в условиях естественного произрастания, со станцией связана широкая сортоиспытательная сеть, насчитывающая около ста опорных пунктов не

Хлопковое поле.

только в Средней Азии, но и на Кавказе, в Персии и даже в Афганистане.

Работа по улучшению качества волокна в лабораторном порядке в основном станцией уже проделана, соответствующие семена длиноволокнистого хлопчатника уже проверены на опытных полях, они размножаются в семенных хозяйствах Главхлопкома и распределяются между дехканами (крестьянами) Средней Азии.

Дехкане знают и ценят Ташкентскую селекционную станцию, так как получаемые с этой станции семена дают повышенный урожай и более ценное волокно. Научный хлопок постепенно входит в обиход дехканского хозяйства в Средней Азии, и главная заслуга в этом отношении принадлежит Ташкентской селекционной станции.

В. Р.

Три недели — длительность бабочкиной жизни. Пищи за эти 3 недели она не принимает. У нее даже рот часто совершенно атрофирован. Кроме половой функции, она не выполняет никакой иной: любит, производит потомство, а затем безболезненно погружается в сон смерти.

За каждым мгновением этой легкой жизни следят зоркие человеческие глаза. Сотни рабочих снуют между арами. Четыре часа отпускается бабочкам на любовь. Затем их разделяют, бабочка оплодотворена, самец сделал свое дело и больше не нужен, его краткое существование закончено — миллионы маленьких шевелящихся лепестков выбрасываются на корм курам, на удобрение.

А бабочка, между тем, делается предметом дальнейших забот. Бережно, чтобы как-нибудь не повредить, опускается каждая, иногда по две, по три, в специально заготовленный белый бумажный мешочек с дырочками.

Каждый мешочек завязан, занумерован и подвешен на веревочке. В целом ряде других зданий длинными гирляндами покачиваются они с легким шорохом. В помещении должны строго соблюдаться известные условия, чтобы ничто не помешало последующим событиям. Спокойно висят мешочки, а в них непрерывная жизнь — бабочка почти немедленно начинает откладывать яйца. Отложив все — штук до 400—500, она умирает. Крохотная сотрудница, основная крылатая работница — незаметно и бесшумно выскальзывает из производства. Но она больше и не нужна — во всяком случае в живом виде; трупик ее, правда, еще понадобится, как мы увидим после. Но ее главная работа выполнена — в мешочке остались мелкие, сперва светлые, потом темнеющие яички, крохотные зернышки, по виду и размерам напоминающие мако-

вые. Это будущие шелковичные черви, будущие коконы, все будущее великолепие тугих тканей, пестрых одежд, цветистых халатов и летающих ферганских шарфов.

Но работа вокруг этих крохотных существ еще далеко не закончена. Через 15—20 дней начнется микрокопирование. Бесконечное количество болезней осаждает червя. Одна из самых страшных заразных болезней — это пембрина, нечто вроде чухотки шелковичного червя. Первое поколение еще может дать коконы, но грена будет уже заражена, и черви, вышедшие из нее, не доживут до зрелости. Для того, чтобы обезопасить будущий шелковый урожай, необходимо микроскопически исследовать каждую бабочку.

Когда мешочек снимается, в нем грена и трупик бабочки, иногда нескольких. Туловище каждой из них идет в ступку, его растирают и кладут под микроскоп. Если под микроскопом обнаружатся овальные блестящие тельца пембрины, все потомство бабочки должно быть уничтожено.

Опять-таки целое производство: в микроскопическом зале грохот стоит от растирания в ступках крохотных тельц — целая фабрика. До нескольких сот тысяч коробок грены, по 25 грамм каждая, должно быть заготовлено, а каждая бабочка дает только 0,4 грамма грены. Значит, для одной коробки грены нужно растереть и просмолить 70 бабочек, а для сотен тысяч коробок число растертых бабочек уже исчисляется десятками миллионов. Воистину, массовое производство. Только с какой тщательной индивидуальной обработкой! Можно себе представить, как это удорожает фабрикат. Но, с другой стороны, это единственный путь создать чистую грону и обеспечить шелковый урожай.

Но мало того, что растерта каждая бабочка. Работницы могли опийбиться, а

ошибки быть не должно, нельзя итти на риск. И мешочки поступают на контроль — в контрольный зал. Тут уже растираются только головки, и не по одной, а сразу по 10 штук. Если одна из десяти оказалась больной, погибает сразу потомство 10 бабочек.

И всюду записи, точный учет. И целые кадры мойщиц, следящие за чистотой ступок и стекол. Какая точная, мелкая, почти лабораторная работа!

Но вот вся грена проверена — теперь она может итти в окончательную обработку: до осени будет храниться невытая, а в октябре, когда спадет жара — ее вымоют, высушат, при чем потеряет она при этом до 13% своего веса. А после сложат ее в тихие прохладные склады — на зимовку. Крохотные крупинки — не живые и не мертвые, т.-е. они, конечно, живы, — больше того — они дышат, но они в состоянии полусмерти. Целая зима должна пройти, прежде чем они начнут свой собственный индивидуальный цикл жизни. А в продолжении этой зимы будут они лежать неподвижно — шелковая икра, не то живые существа, не то семена неведомых растений. Недаром и называют их греной (graine по-французски — семя).

Протечет короткая среднеазиатская зима, весной в коробках за печатями, за бандеролями разошлют грону по всей стране для нового круговорота: ее оживят, выведут червей, выкормят их, завернутся они в коконы, и целые мешки их пойдут в размотку, а из тонких шелковых нитей и соткутся потом эти необычайные, неведомые, улетающие от легкого дуновения ферганские шарфы. Слово и в самом деле воплотилась в них неистраченная, неиспользованная крылатость крохотных человеческих сотрудниц, щедро и без остатка отданная ими человеку.

М. Шапская.

ГОЛОД

Из повести* „Мое детство“ А. Свицкого.

Хоть и горят у меня уши, но я не тужу. Пусть он знает, как людей обливать из кувшина. Вернется домой, а мать не узнает его: рожа в пыли, а мундир в клочья... Так ему и надо!..

Чувствую себя победителем, свободно гуляю по улице и телом супу все еще мокрую рубаху. Но петушиное настроение длится недолго. Сильный приступ голода причиняет мне боль под ложечкой. Беспорядочно глотаю слюну, и язык становится шершавым. Миражи голода окружают меня: ощущаю запах тушеной говядины, свежеспеченного хлеба, и ноги моигибаются и дрожат от желания съесть хоть крохотный ломтик чего-нибудь.

Уж сколько раз посещаю базар. Остро впииваюсь в горячие пироги. Верчусь около ватных засаленных юбок торговки. Моментами мне мучительно хочется стащить пирожок, но смелости нехватает.

— Ты что тут порхаешь... Я—не цветок, а ты—не пчела... Пошел отсюда!..—кричит на меня полнорозжая торговка.

— Вчера,—говорит другая,—вот такой маленький мамзёр¹ сфитилил у меня пирожок и улетел, как воробей.

Стыд сугулит меня и гонит прочь. Итти некуда. Мотеле сам пухнет в ожидании обещанного мною каравала.

И снова я на Малой Бердичевской, где так много хлеба, мяса и сахару... Что меня тянет сюда—сам не знаю. А вот большой, в два этажа, белый дом с обширным двором и садом. Я знаю этот дом: однажды мама проходила со мною мимо и сказала: „Шимеле, в этом доме еврейский казенный учительский институт. Когда ты вырастешь и тебе будет восемь лет, я определю тебя сюда, и будешь учиться долго-долго и выйдешь отсюда таким образованным человеком, что сам учителем станешь“.

Через настежь раскрытые ворота я вижу большой квадрат двора, застроенного каменными корпусами. Нигде ни души. Осторожно вхожу во двор. Сторожа не видать. Из одноэтажного длинного здания выходит человек с деревянной бадейкой в руках. Из бадейки поднимается легкий пар. Он ставит ее на землю и свистит. Откуда-то из глубины двора прибегает беленькая лохматая собачка—курносая, с длинными волнистыми ушами и тремя черными точками—носик и два круглых глаза. Человек, вынесший бадейку, широкоплеч, грудаст, лицо в мелких рябинках, намасленные волосы острижены под скобку, а в одном ухе серебряная серьга...

Собачка подбегает к бадейке, а человек уходит. Голод шепчет мне: „Подойди, там съедобное“... Но только я делаю шаг—собачка быстро оглядывается, скалит зубы, рычит, захлебывается и, убедившись, что достаточно напугала меня, снова опускает уши в бадейку. Лакнув раза два красным языком, она, к моему изумлению, вытаскивает кость с мясом и принимается грызть. Незаметно делаю еще один шаг, осторожно заглядываю в бадейку, вижу коричневый картофель, различный соус, рисовую кашу, обеды белого и черного хлеба, а по бокам куски жира...

Меня всего трясет, голова кружится, шумит в ушах, из горла вырывается сухая колючая икота, и мне становится жарко.

Собачка косится и рычит. Тогда я наклоняюсь, делаю вид, что схватил камень и замахваюсь. Собачка с визгом отбегает прочь. Тут уж я не зеваю: быстро подхожу к посудине, вылавливаю большую картофелину, запихиваю в рот, тащу полную горсть скользкой каши... Но в этот момент выходит человек с серьгой, и я отскакиваю.

— Мальчик, подойди сюда,—говорит он ласковым голосом.

Я—ни с места: боюсь.

— Не трону я тебя,—продолжает он.— Ты кушать хочешь? Да?.. Ну, иди сюда, глупенький... Не трону же я... Ты по-русски не понимаешь?

— Нет, понимаю,—осмелев немного, кричу в ответ.

В это время из стеклянного коридора показывается горбуны с длинным тонким лицом. Из-под красного поворота выбиваются кольца темных волос. Черными глазами дотрагивается она до меня, и я невольно начинаю отступать.

— Экий ты какой глупый,—укоризненно говорит мужчина.— Не стану же я тебя обижать за то, что жрать хочешь...

Начинаю верить ему, но меня пугает горбуны.

— Не бойсь, говорю тебе... Ну, иди же... Я накормлю тебя...

Последние слова окончательно убеждают меня и я подхожу к нему.

Спусти немного, я сижу на кухне институтской столовой и уписываю жаркое с белым ситным.

Имя мужчины—Филипп. Он из Тульской губернии. Застрял в Житомире после солдатчины. Служит при столовой буфетчиком. Горбуны зовут Оксаной. Служит стиральной. Все это я узнаю впоследствии, а сейчас давлюсь неразжеванной картофелиной и от жадности начинают болеть челюсти.

Филипп и Оксана стоят подле с улыбающимися лицами и учат меня есть.

— Ты не торопись, а то рот устанет,—ласково говорит Филипп.

А я не в силах удержаться и глотаю большими кусками хлеб и мясо. Жевать я уже не могу: челюсти немеют и отказываются служить; а голод еще не утолен и глаза мои измеряют горбуны ситного и недоеденного картофеля. Мне хочется съесть все, до последней крошки, но я не в состоянии: болит рот, ссадит в горле и что-то застревает в груди. От напряжения у меня выступают слезы...

— Ах, мой бедный хлопчик, до чего изголодался...—причитывает надо мною Оксана.

Филипп ножом разрезает хлеб на маленькие кусочки.

— Вот так лучше будет... Не торопись,—говорит он и прибавляет, обращаясь к Оксане.— У нас такая история была: вышел наш пастух из лесу, где заблудившись был—пять ден не жавши. Подали ему хлеба да щей, а он давал кусать большими порциями и—вот история!—поперхнулся чевой-то и помер...

В кухню входит толстая-претолстая женщина. Экономка Хаса Мэн, как я узнаю потом. У нее несколько подбородков, спина и плечи жирно-мясисты, живот бочкой, а сама веселая и даже смеется.

— Где вы этого жука нашли?—спрашивает, а сама шарит по столу: не дали ли мне чего лишнего.

И начинается допрос. Я отвечаю на чистом русском языке, и мой звонкий голос среди тишины рассыпается по всей обширной кухне. Когда я говорю, мои слушатели обмениваются многозначительными взглядами, и я понимаю, что они удивляются мне, маленькому мальчику, так хорошо рассказывающему о себе.

— Он говорит по-русски, как священник, чтоб я так жива была!—восклицает Мэн, и от веселого смеха у нее трясется живот и прыгают все подбородки.

Меня рассматривают, как редкого зверька. Оксана приходит в восхищение от моего „кадапского“ выговора, от моих иссиня-черных кудрей и от моего маленького роста.

Я сыт и обогрет. Обиды дня, выпадающие из памяти, плывут в далеком тумане, и мне становится весело. А когда уходит Мэн, я окончательно осваиваюсь и заявляю:

— Мне здесь нравится... Хочу всегда тут быть...

Филипп и Оксана смеются.

— Видишь ли, паренек, у нас такая история,—говорит Филипп,—дом казенный, а Мэны, наши хозяева, горазд строги на счет чужих. Вот такая история...

— Нехай!—восклицает горбуны.— Я хлопника к себе возьму. Хочешь со мною на печи спать?—обращается она ко мне и втягивает меня в свои большие черные глаза.

Мне немного страшно, но из вежливости утвердительно киваю головой.

Оксана прячет меня на печи из боязни, что могу попасться на глаза самому эконому—мужу толстой женщины,—человеку строгому, жадному и неумолимому.

А мне что... На печи тепло, уютно и сытно. Когда поднимаюсь на ноги, достаю рукою потолок. Интересно. Оксана часто угощает меня то коржиком, то хлебом, обмазанным гусиным жиром, а то и котлетку подсушет. Игрушкой служит мне сундучок Оксаны. В нем все достояние горбуны: наперстки, пуговицы, ленты, кофточки, иголки и всякая иная мелочь. От нечего делать занимаюсь шитьем: к ленточкам пришиваю пуговицы, а из кофточки делаю мешочек.

Оксана все позволяет, а если я уже очень распалюсь, уговаривает меня ласково-певучим голосом.

Вечер. На стене перед длинным столом горит лампа. Лежу на теплой печи. Мне очень хорошо. Так еще никогда не было. Подо мною мягкое ватное трипье, а голова лежит на всамделишной подушке. События дня блестящими носятся предо мною. Я кому-то улыбаюсь и засыпаю.

Опасная игра

Вот зажилась я где! Прошла зима, оттепела весна, и снова сияет горячее лето, а я все еще здесь, и убежищем служит мне институт со всеми его дворами, корпусами, классами и садом директора. Меня все здесь знают и я всех знаю. Ко мне так привыкли, что уже не замечают и не интересуются мною. Бегаю, мол, какой-то мальчик по институту—и пусть себе бегают.

Из взрослых самыми близкими мне людьми считаю: Оксану, Филиппа и сторожа Станислава. Последнему лет шестьдесят. Он—отставной николаевский солдат и поляк по рождению. Усы у него длинные, серые и висят вилами ниже подбородка. Станислав—старик бодрый, крепкий и работающий еще умеет. Разговаривает он только со мною.

В непогожие дни забираюсь к нему в будку, и здесь, на узенькой скамейке, старик похихивая трубой рассказывает мне очень много интересного. Станислав, как и Пинес,—хороший сказочник; но в рассказах старика редко встречаются черти да короли; он все больше рассказывает о бедняках, о богачах и еще о том, как мучают солдат.

Говорит Станислав на трех языках сразу: на польском, украинском и русском. Вначале я плохо понимал его, а теперь, обжившись с ним, я хорошо усвоил жаргон старого солдата, и мы часто и подолгу ведем с ним дружеские беседы.

— Паны,—говорит Станислав,—дуже жадные, як волки: по три, по четыре маентка мать, а у бидных остатний ковалок отнимають. У нас, на Польше, по ни шляхтич, то начальник... Вот эти начальники и обмоскалили королевство польское... А народ хліб жуе с мякиной...

— А сколько их?

— Кого?

— Да вот этих начальников?

— А хіба ж я их считал? Тільки их дуже много не быває, бо им простору треба...

— А бедных много?

— Як звязд на неби,—уверенно отвечает Станислав.

* Целая повесть будет напечатана в журнале „Октябрь“.

¹ Мамзёр—незаконнорожденный.

В Атлантическом океане погиб пароход „Вестрис“, совершавший рейс из Соединенных Штатов в Южную Америку. Из 486 человек, находившихся на пароходе, спаслось 379 человек, 107 человек погибло. Команда парохода, кроме офицеров, состояла почти целиком из негров. Шумиха, поднявшаяся в европейских и американских газетах вокруг происшествия, была полна грубых обвинений и упреков по адресу негров, якобы проявивших трусость и грубость, спасая только собственную шкуру.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что обвинения эти не только ни на чем не основаны, но явно противоречат фактам.

Волнение на море нарастало исподволь. Несмотря на это, никаких мер командным составом предпринято не было до того момента, когда волны начали перекачивать через борт. Офицеры проявили крайнюю растерянность и вели себя как испуганные институтки, ежеминутно впадая в истерику и обрушиваясь на них в чем неповинных негров.

Вплоть до того момента, когда стало совершенно очевидным, что пароход пойдет ко дну, капитан Вильям Каррей не подавал сигнала „SOS“. До последнего момента рисковал этот человек жизнью вверенной ему команды и пассажиров, так как надеялся избежать необходимости платить другим пароходам за спасение своего судна. По настоянию делегации от пассажиров, капитан распорядился дать сигнал. А между тем, все оставшиеся в живых единогласно утверждают, что сигнал о спасении надо было дать на 12 часов раньше и что тогда не было бы ни одной человеческой жертвы.

Снимок фото-репортера Фреда Хансона, сделанный за несколько минут до гибели парохода.

— Так почему же бедняки не убьют этих?..

Старик выдергивает изо рта трубку, плюет сквозь зубы, хитро прищуривает глаз и в свою очередь спрашивает:

— А почему один чабан агромадную череду гоняить? А потому, хлопчик, шо скотина разума ны мае. Понял?

Я утвердительно киваю головой, хотя вопрос для меня не совсем ясен.

Сегодня Станислав молчит: сегодня такая жара, что даже думать трудно, а не то, чтобы говорить.

Не знаю, куда себя деть: всюду горячий свет. Над толовой пожаром дышит солнце и срывает тени с домов. В саду директора неподвижный зной сушит листву и цветы; и ни одна птичка не пискнет, ни одно дерево не вздохнет.

На мне холщевые штанишки и красная косоворотка, сшитая Оксаной из старой юбки. Но и это одевание кажется мне лишним. Истомленный жарой, брожу в одиночестве, шатаюсь по дворам института — ищу прохлады.

На первом от улицы дворе, в дальнем углу между флигелем учителей и домом директора, прячется колодец, накрытый четырехскатной крышей. Посреди сруба висит на толстой цепи большое, окованное железными обручами, тяжелое и широкое ведро вроде бадьи. Цепь намотана на толстом бревне, продетом через центр огромного деревянного колеса с натканными палочками для рук. Чтобы бадья не упала в колодец, внизу под колесом вставлена подпорка.

Подхожу к колодцу. Обими руками берусь за сруб, вытягиваюсь и заглядываю вглубь. Воды не видно, но из глубины несет холодком и сыростью. Чтобы измерить глубину, я плюю и долго жду, пока не звякнет плевок.

— Ты сто делаешь? — слышу позади себя тоненький детский голосок.

Оглядываюсь. Стоит трехлетний голопузый Арончик, сын Ратнера — учителя арифметики. Мальчуган уважает меня: я часто катаю его на своей спине и делаю ему из бумаги лодочки. Люблю Арончика за то, что он мягкий и совсем без костей. Ручки и ножки у него в ямочках, в перевязочках, щеки наливные, а глаза синие-синие — два маленьких неба. На нем коротенькая беленькая рубашонка, и больше ничего.

— Ты сто делаешь? — повторяет он.

— Глубину колодца измеряю, — серьезно отвечаю я. — Вот слушай...

Я плюю и быстро считаю до десяти.

— Слышишь? — спрашиваю я, когда из колодца доносится короткий всплеск плевка.

— Слышу, — отвечает Арончик.

— Хочешь, чтоб тебе не было жарко?

— Хочу.

— Ну, так я посажу тебя на сруб. Хорошо?

Ребенок устремляет на меня доверчивые глаза и повторяет за мною: „Хорошо“.

Поднимаю мальчугана и усаживаю на сруб ножками в колодец, а сам крепко держу его за рубашонку.

— Не боишься?

— Не.

— Не жарко?

— Да.

— Что — да?

— Не жарко.

Арончик смеется и болтает пухлыми ноженьками. А над холодной бездной неподвижно висит на цепи бадья. Воды давно не брали и она совсем сухая.

— Хочешь, Арончик, я тебя покатаю?

— Хочу.

У меня является желание потешить ребенка — поставить его в ведро и покачать немного.

Я знаю, что подпорка внизу колеса не даст бадье упасть в колодец; но чтобы тяжелое ведро притянуть к мальчугану, мне самому приходится взобраться на сруб и вытянуться всем телом.

— Арончик, ты теперь держись. Смотри, не упади, — говорю я ребенку, а сам сажусь верхом на сруб и тянусь к ведру.

Маленькая неловкость — и я могу полететь головой вниз. Но вот я притягиваю бадью к ножкам Арончика.

— Ну, теперь можно... Влезай... Не бойся; я держу крепко...

Арончик стоит в ведре, ухватившись обими руками за железную дужку ведра.

— Сейчас пускаю... держись...

Отталкиваю бадью и вижу, как она вместе со смеющимся мальчуганом грузно плывет к противоположной стене. Вот ведро ударило о деревянные ребра сруба и несется обратно. Ребенок испугался толчка и уже не смеется. Личико морщится и вот-вот заплачет.

— погоди плакать... Сейчас вытащу тебя, — уговариваю Арончика и бросаюсь к другой стороне колодца, откуда мне легче ухватиться за край ведра. Но второпях задеваю подпорку, и колесо приходит в движение. Медленно начинает вертеться толстый вал, цепь разматывается, и бадья вместе с Арончиком уходит вниз.

Подбегаю к колесу, но уже поздно: со стоном и визгом вертится перед глазами круглая махина, а из глубины колодца вырывается тоненький голосок ребенка: „Не хочу!“

Слышу тяжелые шаги Станислава. Старик понимает, в чем дело: дрожит, торопится, всклокоченные брови падают на глаза, руки в движении хватают воздух.

— Тикай! — коротко приказывает он мне, — а сам подходит к уже бешено вертящемуся колесу...

Матросы и паромная прислуга — негры — вели себя, как настоящие герои. Например, Лионель Линкорш в течение двадцати часов плавал в воде, спасая тонувших, втащивал их на подоспевшие к месту катастрофы суда. Он один спас 38 человек, в том числе и пенсильванского миллионера, который только накануне грубо оскорбил Линкорша за недостаточно тщательную сервировку стола.

Среди людей, проявивших себя героями, оказался также ряд пассажиров третьего класса. А между тем, третий класс помещался в нижнем этаже парохода, и выход из него был отрезан водой, хлынувшей из пробоины. Ни один из офицеров за 24 часа, в течение которых длились попытки спасения судна, ни разу не появился в помещении третьего класса.

Необычайную предприимчивость проявил находившийся на пароходе американский фото-репортер Фред Хансон, который до последнего момента находился на судне и производил съемки.

Целый ряд пассажиров погиб из-за того, что спасательные лодки оказались неисправными и аппараты для спуска лодок заржавленными. Кроме того, доказано, что перед отходом на Нью-Йорк пароход не был достаточно тщательно осмотрен и груз в трюме был расположен настолько неправильно, что весь целиком перекатился к одному борту и тем самым ускорил гибель судна. Паромная компания, желая избежать ответственности, сочла наилучшим переложить вину на „некультурных“ бедняков.

Бегу к Оксане.

— Арончик упал в колодец! — кричу я и вскакиваю на печь в надежде, что здесь меня не найдут.

Оксана передает весть Филиппу. Растет тревога... Бегут к колодцу... Охают, роняют восклицания, разводят руками и... и нет больше ленивой тишины, и нет безмолвия знойного дня.

Сознаю свою вину и сжимаюсь в комок. Кровь стучит в висках, и весь я в черных лапах страха.

Но вот живой Арончик. Его несет в охапку Станислав. С мальчишка стекает вода. Оксана торопливо снимает с него рубашонку, выжимает и кладет на солнце.

Арончик стоит голенький на столе и... не плачет.

Но одна щека у него сильно опухла... Хотя нет, не опухла, а это Филипп успел всунуть ему в ротик карамельку.

Ко мне возвращается сознание, сердце перестает метаться, и я мысленно благодарю и целую доброго и милого Станислава.

И вдруг, когда все мы уже успокаиваемся, со двора раздается голос матери Арончика:

— Ареле, птичка моя, где ты?

При первых звуках этого голоса Оксана бежит на стеклянную террасу, хватая уже высохшую рубашонку и шепчет мне:

— Слезай скорей и отнеси хлопчика...

Арончик не помнит зла и крепко обвиняет пухлыми ручонками мою шею, а я тащу его на своей спине, и чтобы ему было забавнее, приплясываю на бегу.

Видю издали мать Арончика, и страх бьет меня по сердцу: боюсь этой крикливой и злой женщины. Она среднего роста, худая, костлявая и всегда неряшливо одета. Зовут ее Голдой. Шесть раз Голда Ратнер рожала мертвых ребят, и только один Арончик выжил. И теперь весь запас любви и ласковости она отдает своему единственному сыну, а на других детей смотрит с ненавистью. Из тонких бескровных губ этой женщины поминутно сыплются проклятия.

— Пусть все дети Израиля погибнут, лишь бы мой сын радовал меня долгой жизнью и счастьем, — часто говорит Голда.

— Ты зачем на своей вшивой спине моего ребенка таскаешь, холера бездомная? — кричит она мне. — Я сколько раз говорила тебе... Ой, я сейчас в обморок упаду... Ареле, голубчик, ты мой... Почему у тебя головка мокрая?..

— Я в колодец упал, — весело отвечает мальчуган.

Но я уже ничего не слышу и не вижу: быстрее птиц лечу по пыльным улицам, направляя свой бег к Тетереву.

Здание Технологического института имени Ленинградского Совета Р. К. и К. Д.

СТОЛЕТИЕ РУССКОЙ ТЕХНИКИ

Сто лет Технологического института имени Ленинградского Совета.

Фот.
Бр. Булла.

Основание Технологического института под названием „Практический технологический институт“ относится к той эпохе, когда под влиянием успехов промышленности на Западе и под влиянием необходимости превращать малоценное сырье в мануфактурные изделия перед государством выяснилась необходимость развить фабричную промышленность и обеспечить ее достаточным числом инженеров. Слово „Практический“ характеризует представление о фабрично-заводской технике, существовавшее в начале XIX века, когда казалось, что техника развивается крайне медленно и что кончающего институт можно снабдить в законченной форме всеми сведениями, необходимыми для ведения фабричного или заводского производства.

Соответственно с этим было поставлено обучение, практический характер которому был придан наличием мастерских и даже небольших опытных заводиков.

К счастью, однако, среди профессоров оказались крупные научные силы, в том числе профессора физики—академики Гесс и Ленц, творцы основных законов науки, называемых их именами. Академик Гадолин, которого работы по кристаллографии являются классическими, начал научное изучение одного из важнейших и труднейших вопросов металлообработки промышленности, вопрос о механизме снятия стружки с металлической болванки, далеко еще и сейчас

не доведенный до окончательного теоретического и технического разрешения.

В первую половину существования института жизнь студентов была подчинена строгой дисциплине, за невыполнение которой они нередко подвергались телесным наказаниям. Однако в 60-х годах режим в институте становится несколько более свободным, а студент из своего рода „военного чина“ становится студентом в обычном смысле слова. В 1870-х годах кафедру химии в институте занял Д. И. Менделеев. Со свойственным ему широким размахом он, с одной стороны, налаживал точнейшие опыты по изучению физико-химических свойств, а с другой стороны—начал издание ряда книг по химической технологии, по-

священных каждая отдельной отрасли фабрично-заводского дела. Уже в этот момент стало ясно, что владение производством требует не только основных знаний, усвоенных под влиянием авторитета профессоров, но и, самое главное, глубокого теоретического разбора самих процессов.

Итак, среди профессоров теоретических дисциплин институт имел ряд выдающихся ученых и даже того гения, закон которого является основой всех отделов современной науки. Вот почему инженер-технолог приходил на завод, пройдя строго и стройно разработанную научную школу. Если он не мог разобраться до конца в сущности

процесса или довести до конца сложный расчет, кои не всегда возможно сделать и в настоящее время, то он мог логически разобраться в ходе каждого заводского процесса и не делать формальных и поспешных выводов.

Последняя четверть XIX века являлась эпохой быстрого совершенствования техники и быстрого развития фабрично-заводского дела. Вся южная половина России покрылась сетью свеклосахарных заводов, вызывавших вместе с тем развитие свекольных плантаций. Больше половины инженеров для этих заводов дал Петербургский технологический институт. С другой стороны, для развивающейся сети железных дорог институт дал большую часть

Литейный цех механического факультета Технологического института.

инженеров службы тяги и инженеров ремонтных мастерских.

В то же время Технологический институт начинает играть все большую и большую роль в революционной жизни России.

Среди других специальных учебных заведений он был наименее „шикарный“. Плата в нем была меньше, и большинство студенчества выходило частью из семей инженеров - технологов, а частью из сыновей фабричных и железнодорожных мастеров и даже рабочих. Понятно, что эта часть студенчества была хорошо знакома с горестями и трудностями рабочего класса непосредственно, а частью наблюдала его во время производственной практики на заводах и фабриках, рядом с которыми протекала жизнь их семьи. Производственная практика уже несколько десятилетий была твердо установленным обычаем для студентов. Она отнюдь не состояла в отбывании повинности, но студент, прошедший институтскую научную школу, быстро входил в производство и овладевал принятыми на заводе техническими и практическими правилами. Совсем нередко студент в по-

ком, решающим сложные задачи на основании строгайше установленных наукою основных положений, комбинируя последние в соответствии с условиями местности и исходного сырья; 2) студента - химика, работающего нередко на производствах, серьезность которых об'яснена лишь в основных чертах, технически же важные детали требовали научного разъяснения и нередко сами вызвали новые области науки. Так, например, из работ проф. Д. К. Чернова выросла вся наука о тепловой обработке стали и изучения структуры металлических сплавов, т.е. то, что обусловило все современное развитие всего крупного металлостроения, автомобильного и аэропланного дела.

Квалификационная комиссия химического факультета.

следние годы институтского учения занимал на заводе ответственные инженерские должности. Нередко случалось, что к защите дипломного проекта он подходил наладив одно — два новых производства, а тотчас по окончании занимал место главного инженера. Понятно, что для таких студентов быт рабочих, тяжелое экономическое и правовое положение их были хорошо известны.

В институте работал ряд политических кружков, а в политических забастовках и демонстрациях институт весьма часто являлся передовым отрядом. Из него вышли тт. Красин, Кржижановский, Горбунов и др. В институте в 1905 г. состоялось первое заседание Петербургского Совета Р. К. и К. депутатов, а в февральскую революцию в институте были сосредоточены войска, прибывшие из Петергофа и Ораниенбаума.

Однако, параллельно с этой политической работой, институт все шире и шире вел реформу учебного дела в соответствии с требованиями развивающейся научной техники. Старый тип универсального специалиста по технике должен был быть заменен двумя новыми: 1) студентом-механи-

ком, решающим сложные задачи на основании строгайше установленных наукою основных положений, комбинируя последние в соответствии с условиями местности и исходного сырья; 2) студента - химика, работающего нередко на производствах, серьезность которых об'яснена лишь в основных чертах, технически же важные детали требовали научного разъяснения и нередко сами вызвали новые области науки. Так, например, из работ проф. Д. К. Чернова выросла вся наука о тепловой обработке стали и изучения структуры металлических сплавов, т.е. то, что обусловило все современное развитие всего крупного металлостроения, автомобильного и аэропланного дела.

Вот почему в начале XX столетия произошло разделение института на 2 факультета: механический и химический. Первый готовит строителей паровозов, вагонов, автомобилей, двигателей внутреннего сгорания, паровых машин, гидравлических установок, специалистов по прядению и ткачеству и механической обработке дерева. Из химиков выходят специалисты по основной химической промышленности, красивой, химической обработке волокон, по бумажному и целлюлозному делу, химической технологии металлов, керамике, электротехнике, каучуку, жировой, сахарной и кожевенной промышленности.

Студенты института в вестибюле.

После революции институт первый организовал срочные выпуски инженеров, чтобы как можно скорее влить молодые силы в вос-

становливаемую промышленность. Однако, несмотря на спешность, институт не понижал предъявляемых им требований к студентам.

Чертежная института.

Уже почти четверть века существует научно-технический кружок студентов, который широко развил доклады о научно-технических новостях. Научно-техническое бюро института в свою очередь организовало для технического персонала заводов и фабрик Ленинграда ряд лекций о технических достижениях.

Рабфак Технологического института развился в крупное учебное заведение, с великолепно оборудованными кабинетами, и в стенах института выросли — рабочий университет и курсы красных директоров.

Как уже упомянуто выше, связь с промышленностью давным-давно осуществлена Технологическим институтом. С одной стороны, почти все профессора института связаны с промышленностью. Почти все являются постоянными консультантами предприятий. С другой стороны, студенты старших курсов обычно служат на заводах. Профессор, отправляя на практику следующие курсы студентов, может их соответственно инструктировать, а студент постоянно слышит на лекциях и от своих старших товарищей отзывы о технической постановке предприятий. Вот почему, приходя на предприятие, он уже знает все основное, чтобы быстро освоиться с ним.

Юбилей Технологического института нельзя, конечно, рассматривать, только как юбилей учреждения, созданного 100 лет тому назад и испытавшего в силу тех или иных приказов определенные изменения. Ленинградский технологический институт

как бы корень колоссального дерева, состоящего из инженеров-технологов и связывающих их и те предприятия, на которых они служат, и которые они создают, и всех рабочих этих предприятий, а с ними и всю страну с институтом, не только как с учреждением, формально преподающим правила производства, но связывающего и последние и весь научно-технический мозг страны со всем тем, что в таком изобилии создает теперь наука, без которой и промышленность, и страна могут влачить лишь самое жалкое существование.

Вот почему в день 100-летнего юбилей ленинградские инженеры-технологи возводят памятник Менделееву — гению, который мощно осветил новые, далеко еще неизведанные глубины науки, открывающие вместе с тем возможности для техники.

В. Курбатов.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ИНВЕНТАРЬ РЕВОЛЮЦИИ

Очерк Я. Шумяцкого.

Всесоюзное О-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев с полным правом может быть рассматриваемо, как железный инвентарь революции. Инвентарь этот не сгибался и не ржавел в мрачных казематах шлиссельбургских и петропавловских бастионов и рavelинов, не изменил своего качества под тяжестью карьерных сводов и кандалов долготелней каторги Орловских и Зерентуйских централов, не затерялся в тундрах далекой Якутии и Туруханни.

Громадная часть его, разумеется, уничтожена и сильно „амортизирована“, но остатки его проявляют удивительную волю к жизни и собраны в единое всесоюзное общество пять с лишним лет тому назад.

В О-во политкаторжан наравне со старыми революционерами входит и мало старых большевиков, как и наоборот: не мало политкаторжан входит в О-во старых большевиков.

Эти два общества старой гвардии тесно и братски связаны между собой и в прошлом.

На ряду со многими старыми и молодыми большевиками О-во политкаторжан объединяет и старых ветеранов революционного подполья разных революционных партий времен царизма. Правда, за исключением большевистской фракции и незначительных групп с.р.-максималистов (0,2%) и анархистов-коммунистов (0,3%), все остальные, а их около 60 с лишним проц., числятся официально „беспартийными“.

Однако наивно было бы предполагать, что люди, прошедшие огонь, воду и медные трубы борьбы с царизмом в подпольи и насчитывающие в своем прошлом в общей сумме не больше, не меньше как 15.000 лет каторги и 8.000 лет ссылки, люди, отдавшие свои лучшие молодые годы революции—могут оставаться беспартийными в прямом, обыденском смысле этого слова. Разумеется, это не так. В данном случае „беспартийность“ является часто условным термином для испытанных борцов революции, которые, страхуя с ног своих прах партий, изменивших пролетариату в решительные моменты борьбы, вместе с тем по разным причинам не принимают программы, тактики и железной дисциплины ленинской партии.

Попытаемся, однако, объяснить, что мы разумеем под „железным инвентарем революции“ и почему мы применяем это название к О-ву политкаторжан.

История техники знает ряд усовершенствований. Известно, например, что каменный топор был заменен железным, а последний в свою очередь бесконечно совершенствовался. Точно то же происходит с разного рода машинами, крупнейшими сооружениями и т. д. Стоит посмотреть на нынешний паровоз и сравнить его хотя бы по кино-фильму с изобретением Стефенсона, чтобы понять, насколько мы шагнули далеко вперед. Однако, несмотря на нашу улыбку при взгляде на это „допотопное“ сооружение Стефенсона, никто не решится всерьез сказать что-либо плохое о нем в историческом смысле слова. Для начала XIX столетия, когда не было никаких средств передвижения, кроме как „на своих на двоих“ да на лошадях,

изобретение Стефенсона было не только огромным, но являло целую революцию в области транспорта. Не будь этого изобретения — не было бы и нынешних американских „Шмидтов“. Вот почему старые машины, даже уже вышедшие из употребления, при изучении техники надлежит считать исторически инвентарем, и изобретение Стефенсона занимает исключительно почетное место в истории техники.

В этом смысле мы говорим о разных эпохах нашего революционного движения: декабристы, петрашевы, шестидесятники, земледельцы, народолюбцы, первые марксисты, — это все этапы истории революции. Все эти партии, каждая применительно к своему времени, к тогдашнему укладу русской жизни, были, несомненно, наиболее передовыми и стремились по-сво-

тевкам „Общества и МОПР-а по всем фабрикам и заводам столиц и провинций (а отделений у О-ва уже около 30) и передают рабочим и крестьянам в живой речи рассказы о действиях и событиях. Факты, сообщаемые ими, подчас кажутся прямо легендарными.

Рабочие слушают их с напряженным вниманием, ибо знают, что перед ними люди с убежденными головами и бороздами страданий на лицах, муками, вынесенными из карцеров и казематов разных централов, пересылок Якутских, Туруханских тундр и т. д.

Но этого всего мало. Огромное внимание Общество политкаторжан, кроме агитации и исследовательской работы, уделяет еще и культурным ценностям. Обществом организован великодушный музей Каторги и Ссылки. В нем можно видеть все стадии пыток в тюрьме и ссылке, начиная от наручников, кандалов, карцера и кончая „столыпинским галстуком“ (виселиней). Показано это в экспонатах и в разных репродукциях.

Наше краткое ознакомление широких читателей с Обществом политкаторжан было бы не полным, если бы мы не остановились на некоторых других целях Общества и на его структуре. Организовалось оно не только в целях товарищеской спайки и передачи своего революционного опыта грядущим поколениям, но и с целью самопомощи. Так, например, Общество организовало несколько артелей: химическую, пошивочную, „Полиграфтруд“ и др., где объединено несколько сот бывших политкаторжан или безработных членов семей политкаторжан. С такой же целью Обществом арендована вагонная фабрика, дающая весьма доброкачественный продукт, на которой работают около 100 человек безработных членов Общества. Кроме того, при нем организован крупный совхоз в селе Михайловском, в быв. имении графа Шереметьева, где роскошный дворец сейчас превращен в дом отдыха для членов семей политкаторжан.

Несколько домов отдыха организовано Обществом на Украине и в южных курортах республики.

В заключение напрашивается характеристика одного признака, который резко отличает Общество политкаторжан от Общества старых большевиков. Если устав последнего дает ему возможность не только существовать, но и из года в год обновляться, ибо это обусловлено 18-летним сроком пребывания в ВКП (б), то этого никак нельзя сказать об Обществе политкаторжан.

Последнее, по понятным причинам, должно итти, и с ужасающей быстротой идет на убыль. И чем дальше, тем быстрее будет изнашиваться этот железный старый инвентарь революции.

Но с тем большим сознанием своего исторического долга перед подрастающей „сменой смен“ Общество отдает свой революционный опыт и последние силы социалистическому строительству республики советов и ее растущему поколению.

Кружок народолюбцев, членов О-ва политкаторжан. Сидят слева направо: в первом ряду, начиная со второго — Чернявский, Терешкович, Перля-Брагинская, Якимова-Диевская, Иванова-Ворейша, Евгения Фигнер (Сажина), Морейнис-Муратова; во втором ряду: Ромаш, Яковенко, Залкинд, Лебедев, Гуревич-Фрейфельд, Ергина; крайняя Шабалина. Стоят слева направо: Гидеонский, Шабалин, Фиахари, Пешекеров, Васильев, Гидеонская, Студинский, Ракитников и Брамсон.

ему к облегчению жизни трудящихся и к свержению царского ига. Пусть эти партии делали грубейшие ошибки, но эти ошибки были исторически неизбежны, по ним учились другие революционные поколения.

Все эти партии ушли с исторической сцены. Одни, как „Народная Воля“, с триумфом и почетом, другие, как эсеры и меньшевики, с позором, вызывающим до сих пор презрение и ненависть борющегося пролетариата. Но, все же, революционные партии времен царизма в лучшие годы своей деятельности руками своих наиболее блестящих и отважных представителей ковали дело трудящихся масс, и в этом смысле великая русская революция, включающая в свою орбиту революционеров 3-х поколений, несомненно превратила их в свой железный инвентарь.

Посмотрим же, как используется этот наш „железный инвентарь“. Огромный революционный опыт, накопленный Обществом политкаторжан, прежде всего выявляется в его исторически исследовательской работе. Некоторые товарищи, насчитывающие полувековой революционный стаж, не только в состоянии покопаться в разных архивах, открытых революцией, но знают цену каждому документу, ибо в той или иной степени, прямо или косвенно, имеют к нему отношение, и, таким образом, создаются ценнейшие исторические сборники „Каторги и Ссылки“, выпускаемые издательством политкаторжан.

Многие из членов О-ва являются сами по себе историческими памятниками напряженной борьбы. Они, благодаря созданному Обществом агитпропу, расходятся по „пу-

ГОЛУБЬ МИРА И... ВОЙНЫ

О черк Петра Самойлова.

Способность некоторых пород голубей после выпуска с большого расстояния от гнезда находить дорогу домой—была известна еще в глубокой древности. Античная Греция и Рим, Египет и Персия—пользовались голубиной почтой для коммерческих и военных целей. Хороший гоночный голубь ценился очень дорого. Так, напр., в Египте при Нуреддине (1146—1173 гг.) за пару гоночных голубей платили до 1.000 динариев. В Европе почтовое голубеводство приобрело особое значение в XVI веке, когда при осаде Гарлемы (в 1572 г.) и Лейдена (в 1574 г.) голуби явились единственным средством почтового сообщения.

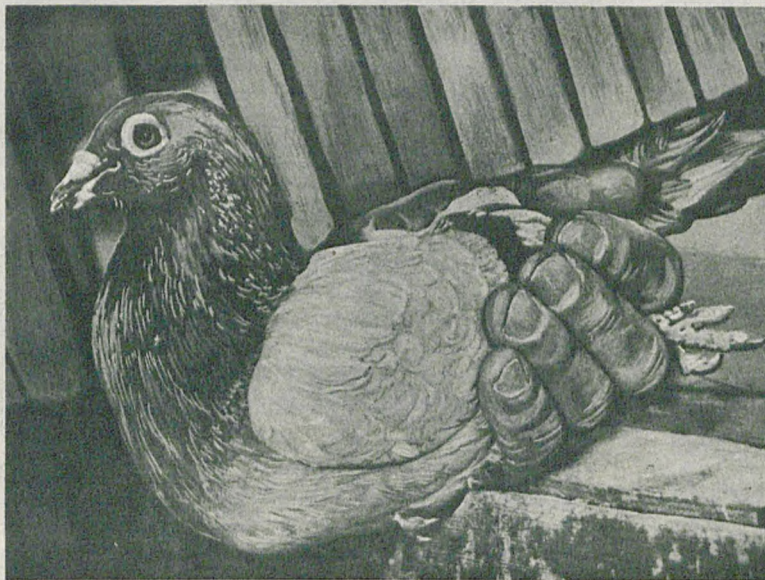
Первое частное общество голубиного спорта возникло в 1818 году, в Бельгии, но широкое развитие голубеводства началось со второй половины XIX века, когда при осаде Парижа (1870—71 г.) 73-мя голубями было передано 150.000 официальных депеш.

В империалистической войне принимали участие десятки тысяч голубей. Возможность незаметно пересылать депешы в подлинниках из отрезанных для других сообщений пунктов заставляет правительства многих государств увеличивать в настоящее время сеть голубиных питомников.

История развития голубеводства в России такова: в 1886 г. были приобретены первые 400 пар брюссельских и антверпенских голубей, распределенных по линии юго-западных границ; в 1890 г. возникло первое частное о-во почтово-голубиного спорта в Киеве. Но широкого распространения этот спорт у нас не получил. С 1905 года частные общества постепенно сходят на-нет, и с началом империалистической войны почтовое голубеводство сосредоточилось в руках правительства. В настоящее время общественный интерес к этому виду спорта вновь возрастает. Любители-голубеводы объединяются в ячейки при Осоавиахиме, имеющем, кроме того, специальные питомники почтовых голубей.

Из 500 разновидностей голубей выделены четыре, наиболее пригодные для почтовой деятельности: это — английский карьер, брюссельский, антверпенский и лютихский, давшие общий тип бельгийского почтового

голубя. Скорость полета колеблется между 50—60 км. в час, доходя иногда до 100 км. Дрессировка голубя чрезвычайно проста: молодого „почтара“ заводят от голубятни на несколько километров и пускают лететь домой. Постепенно расстояние увеличивается, и к 3-летнему возрасту—моменту зрелости голубя—он считается вполне натренированным для полетов на предельные расстояния. Живет голубь обычно до 15—

Пернатый почтальон.

18 лет (хотя есть и 25-летние „старички“), но работоспособным считается до 8 лет.

Из года в год устраивается ряд состязаний, в которых принимают участие и любительские голуби, и питомцы Осоавиахима.

Голуби выпускаются с депешами—„голубеграммами“. Голубеграмма — небольшой листок бумаги, вложенный в алюминиевую трубочку или в обрзок гусиного пера,—прикрепляется к ножке голубя или к одному из хвостовых перьев.

Кроме обычной тренировки, в Кунцевском питомнике,—своего рода „голубином университете“,—проводится ряд интересных опытов, разнообразящих почтовое голубеводство. Таковы опыты ночных полетов (голубь — дневная птица и ночью совершенно беспомощен; таким образом, ночные полеты—чрезвычайно важный сдвиг в почтово-голубином спорте), опыты с двухсторонней связью. Это достигается путем двудомного „хозяйства“ голубя: живет он в одном пункте, а кормят его—в другом. Это позволяет двум пунктам вести постоянный обмен депешами при помощи одного и того же голубя. Кроме того, таких голубей, завезенных в третий пункт, можно посылать в любой из первых двух пунктов по выбору, приурочивая момент их выпуска к часу кормления или же посадки в гнездо. Привязанность к своему гнезду, память, способность ориентировки и выносливость голубей—изумительны. Известны случаи, когда голубь, увезенный на значительное расстояние, возвращается домой через пять лет! Пример выносливости дала недавно голубка, которая при вылете с аэроплана ударилась об аппарат и с поврежденными сухожилиями крыльев, избитая, дошла с московского аэродрома к своему гнезду, в Кунцево.

Необходимость почтового голубеводства ясна. Иностранные армии имеют сотни тысяч чистокровных, натренированных голубей, приспособленных исключительно для военных целей.

Армия трудящихся тоже не останется в нужный момент без пернатых помощников. Но, как всегда и во всем, приспособливая все для защиты свободы трудящихся, мы в мирной обстановке приспособливаем нашу

военную мощь для облегчения условий труда. Ячейки почтового голубеводства разрабатывают способы применения почтовых голубей для связи между деревнями, на рыбных промыслах, в научных экспедициях и т. д.

Развитие почтового голубеводства должно расти у нас при участии самих трудящихся.

Разница между почтовым голубеводством и „цветным“, являющимся простой забавой, разжигающей часто низменные инстинкты и азарт,—очевидна. Всем известен обычай „подманивания“ чужих голубей, обычай любителей-голубеводов присваивать чужого голубя, заманенного стаями. Продажа чужих голубей является у многих молодых любителей специальным промыслом, доходной статьей. Существует особый вид турманов — „скакунов“, которые „соскакивают“ к чужому голубю, т. е. заманивают его в свою голубятню.

„Скакун“, увидя чужака, летает некоторое время с ним (иногда несколько часов), потом, то бросаясь стремглав к своей голубятне, то описывая вокруг чужака круги, увлекает его в конце концов на свою крышу, где их обоих и накрывает особой сетью владельца „скакуна“. Заманивание, т. е. попросту воровство чужих голубей, узаконенное обычаем, считается особой доблестью. За „скакунов“ платят громадные деньги, „скакунами“ гордятся, „скакунов“ восхваляют даже в литературе.

А, между тем, совершенно очевидно, что такая форма голубеводства разжигает никчемный азарт, воспитывает дурные наклонности, порождает озорство и нечи-

Взлет голубей из полевого голубятника.

стоплотность характера. Советская общественность, поставившая на ноги многие жизненные положения, стоявшие до того на голове, должна хорошенько встряхнуть и этот проржавевший обычай. Необходимо повести широкую общественную кампанию против такого „спорта“, направив внимание и энергию любителей на чрезвычайно интересный и общественно-необходимый почтово-голубиный спорт. Каждый любитель-голубевод должен проникнуться сознанием важности расширения почтового голубеводства, полезности его в мирной, трудовой обстановке и необходимости в военное время.

Петр Самойлов.

Самодельный голубиный пост.

голубя. Расстояние, которое пролетает голубь к своему гнезду доходит до 1.000 км. Голуби, завезенные из Брюсселя в Рим, возвращались домой, перелетая Альпы. В 1905 г. голуби прилетели в Москву из Казани, также покрыв около 1.000 км. пути. Скорость полета колеблется между

!!!

М О Н А Х

!!!

Отрывок из неизданной поэмы А. С. Пушкина.

... Кончалась пыльная дорога
У монастырского порога,
И жизнь монашеская в нем
Лампадным теплилась огнем.
Печальный звон, иконы, четки...
Шаги по мрамору так четки:
То бродит в сумрачных стенах
Молитвы шепчущий Монах...
Молиться больше он не в силе!
Он хмур и мрачен. Окрестили
Его монахини не зря
Нетопырем монастыря.
Как он красив! Дрожа от страха,
Они взирают на Монаха,
Монастырей кляня тюрьму,
И улыбаются ему.
Вотще! Лицо его, как маска...
Что для него улыбка, ласка?
Он хмур, а на уме у тех
Очарование утех...
— «Мы, вызвав у него улыбку,
Его б разделили, как липку!..»
Монах желанен и любим,
Но горд и непоколебим!
Как заронить в него веселье?
Монахини, собравшись в келье,

Неделю целую под ряд
Об этом только говорят.
Летят вопросы и ответы...
Краснея, подают советы...
Галдят монахини. Но ах! —
Неуловим для них Монах.
Они кричат: «Жестокий! Гадкий!»
Но соблазнительной загадкой
Никак не могут разрешить:
Что б дать ему, чтоб рассмешить?
Увы! Монах упрям, не гнется!
Но пусть он только улыбнется —
Узнает святости тщету!
Но вызвать как улыбку ту?..
Монахини задались целью:
Монаха осквернив келью,
Под дверь подsunуть не псалтырь,
Какими полон монастырь,
Не «Чтение», не «Четы—Минеи»,
А что-нибудь повеселее!
И дружно все решили так:
«Подбросим в келью мы «ЧУДАК!»
В сем мире любопытен каждый.
И утром розовым однажды,
Проснувшись в келье, впопыхах
К журналу тянется Монах...

Сначала хочет бросить «зелье»,
Но вдруг почуял он веселье.
Куда девались хмурь и сонь?
В его глазах теперь огонь,
А на лице нет прежней маски...
Прекрасный шрифт! Какие краски!
Отделов—много! Ей-же-ей,
Один другого веселей!
Стишки подобраны на диво!
Картинок—тьма! А сколько читав!
И на шестнадцати листах!..
И тут не выдержал Монах:
Сквозь монастырские преграды,
Решетки, стены и ограды —
Свободной птицей, без помех,
Монаха несся бодрый смех!..
И к жизни возродился инок,
И рек, в восторге от картин:
«Прочь, монастырская нуда!
Эй! Парикмахера сюда!
К чертям и рясу, и молитву!
Хочу расстричься! Щетку! Бритву!»

Под скрип заржавленных дверей
Вошел к Монаху брадобрей...

ПУШКИНИСТЫ, ПУШКИНОВЕДЫ И ПУШКИНИАНЦЫ О ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАННОМ ОТРЫВКЕ ИЗ ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА „МОНАХ“

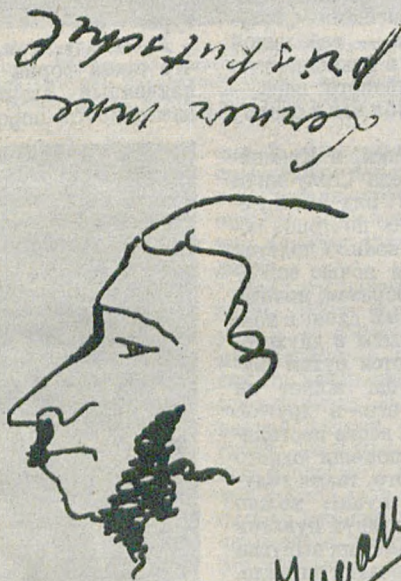
П. Е. Щегольков. „Пушкин любил играть рифмами. *Нетопырь* и *не топырь*, *поколочу* и *по калачу* чрезвычайно напоминают по своей конструкции соответствующее место из опубликованного отрывка: „Он хмур, а на уме у тех очарование утех“. Что же касается встречающегося в контексте слова „чудак“, озадачившего некоторых критиков, то я считаю это простым совпадением. Слово „чудак“, несомненно, было известно Пушкину, в эпиграммах которого это слово встречается дважды“.

Проф. П. Н. Носов. „Среди пушкинистов, я знаю, уже есть такие, которые склонны считать опубликованный отрывок из поэмы „Монах“ шуткой издательства „Огонек“, рекламирующего выпускаемый им новый сатирический журнал „Чудак“. Но мы должны бороться с этим течением. Ни на одну минуту в нашей среде — среде каменных пушкинovedов — не должно быть сомнения в подлинности опубликованного отрывка. „Монах“ — это шутка Пушкина, а не „Огонька“. В этой поэме повторяются мотивы из „Графа Нулина“, „Домика в Коломне“ и особенно — из „Гаврилады“

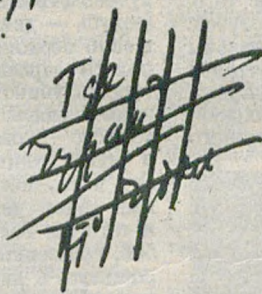
Лично я настаиваю на принадлежности опубликованного отрывка перу Пушкина,

В стихотворениях Пушкина слово „нетопырь“ встречается трижды“.

Н. Н. Вернер. „Не может быть и двух мнений относительно подлинности впервые опубликованного отрывка. Пушкин любил вольные темы с оттенком антирелигиозности, попутно популяризирующие новые журналы. Если стих не везде гладок и безупречен, то нельзя забывать о том, что „Монах“ написан молодым Пушкиным, еще не поднявшимся до классических строф „Онегина“. Мы, пушкинианцы, утверждаем, что опубликованный отрывок из поэмы „Монах“ — факт, а не реклама, в противовес группе сотрудников нового журнала „Чудак“, кстати сказать, весьма интересного и назидательного журнала (подписная цена на год — 6 р., на 6 м. — 3 р. 20 к., на 3 м. — 1 р. 70 к. и на 1 м. — 60 к.; первый номер выйдет в конце декабря), утверждающих, что означенный отрывок — не факт, а реклама. Всех сомневающихся в подлинности впервые опубликованного отрывка мы отсылаем к „Монаху“, где молодой, лицейского периода, Пушкин выявлен во весь свой до-огонковский и до-чудаковский рост...“

75
+ 12
119 ?!

Где Монах?
Кто Чудак?

На 209-6 руб
с Щегольков — 21,50 руб
с Огоньком

Неизвестный автограф А. С. Пушкина.

основываясь на словах: „Окрестили его монахини не зря *нетопырем* монастыря“.

Пушкин выявлен во весь свой до-огонковский и до-чудаковский рост...“

ЖЕНСКИЙ МАГАЗИН

Очерк Д. Маллори. Снимки А. Шайхета.

Их в магазине тринадцать. Четырнадцатая—заведующая. Она из выдвинутых. Была разносчицей писем на почтамте. В „день работницы“ выдвинули тов. Маркину в кооперацию. И ей пришла мысль—создать магазин, где работали бы исклю-

— Женское обращение, знаете ли, обходительнее! Женщина лучше объяснит, которое по хозяйству. Это ей ближе.
— Макароны есть?—громко кричит старуха.
— Возьмите вермишель, Марья Семеновна.

Обменялись ролями.

чительно женщины. Кооперация воплотила эту мысль в жизнь.

Теперь в Москве несколько женских магазинов, но „Продуктовый № 10“ в тихом Каварменном переулке, в районе Покровки—один из первых.

— Все опытные продавщицы!—говорит заведующая. Раньше работали в мужских магазинах. Теперь собраны здесь. С работой справляются хорошо... Только почему-то с разрядами у нас неладно. Гастрономы-мужчины получают 70—82 рубля, а у нас гастрономы-женщины почему-то по 55—60 рублей... Вот вам прочность предрассудка... За ту же работу женщины дешевле. Впрочем, обещали дать твердые штаты и сравнять тарифы с мужскими.

В магазине полно. Один из старых покупателей говорит нам:

— Велое есть? Тю, сколько бабы понабралось!..
Пьяных, впрочем, быстро успокаивают сами же покупатели. За все время в магазине не было ни одной стычки с публикой. Женщины как-то лучше умеют лавировать между „обидой“ в очередях и отсутствием иной раз того или иного товара...
Иногда вспыхивает ссора:
— Без очереди даешь другим, а мне не даешь. Прошу жалобную книгу.

Но тут же свидетели заносят в жалобную книгу свои „поправки“: „Продавщица вовсе не отпускала без очереди, а эта женщина скандалила, о чем свидетельствуем собственноручно... Нечего ари нападать на продавщицу“.

Характерное явление. Случаев „флирта“, заигрывания покупателей с продавщицами не было ни одного за 6 месяцев существования магазина.

— К нам относятся как к работницам, и никто не посмеет „флиртовать“ или даже пошутить с продавщицей!

Но зато случаи пренебрежительного отношения к женскому труду со стороны некоторой категории мужчин нередки:

— Рисует! А еще женский магазин!—ворчит старик в фуражке отставного чиновника.

Но такие смехотворные претензии, конечно, немногочисленны. Гораздо чаще выражения удовольствия со стороны покупателя:

„Зайди в женский магазин, наткнешься на абсолютную чистоту и порядок“—пишет один из покупателей в книге пожеланий.

И действительно, чистота, порядок, быстрота работы—замечательная.

— Тов. Маркина, мясо привезли!

Заведующая спешит с книжкой во двор. Огромные туши мяса несут мужчины, женщины только помогают.

Идея женских магазинов широко прививается у нас. В том же Вауманском районе открыт магазин широкого потребления—галантерея, мануфактура, обувь. Здесь 16 продавщиц, работают только в форме одежды: здесь пиящие синие толстовки с белыми воротничками...

Заведующая беседует с покупательницами.

— Работа, кажется, легкая, — говорят продавщицы, а поверьте—на фабрике гораздо меньше уставали. Тяжелый труд. Весь день на ногах, весь день говорить. Да ничего... Привыкаем!

Д. Маллори.

ВОЗДУШНЫЙ ЦИРК

Маленькая, скромная афишка...

В самом начале жирным шрифтом гордо выведено: „МТЮЗ играет на любой закрытой и открытой площадке“. Затем идет репертуар: „Путешествие Тика и Така“—обозрение в трех частях; „Семка Жар“—песня; „Цирк клоунов Тика и

по провинции, всюду отыскивая своего молодого отпрыска зритель.

Актеры немногим старше зрителей. Поэтому так весело звучат колокольчики, дробью рассыпается пионерский барабан и залихват поет гармонь—импровизированный оркестр театра.

Разоблачение фокусов.

Така“—монтаж цирковых и музыкальных аттракционов“. Тут же указан и возрастной состав зрителей, на которых рассчитан спектакль: „...на возраст от 7—14 лет, от 10—16 лет, от 5—14 лет“, и продолжительность показа: „два часа, два с половиной часа“ и, наконец, даже „от 30 минут до 2 часов“.

МТЮЗ—это Московский Театр Юного Зрителя. Век его жизни невелик—всего один год. Однако бодро шествует театрик по бульварам и фабричным дворам (летом), школам, клубам, театрам; заглядывает в пионерские отряды, делает рейсы

Дети прозвали театр—„Воздушным цирком“. Конечно, не потому, что актеры исполняют головомашки и акробатические номера, а просто потому, что на открытом воздухе раскидывает он свои вольные шатры.

МТЮЗ забирается на окраины, на фабричные дворы; располагается в кольце рокошущих индустриальных гигантов. Всюду живым косяком окружает его рабочая детвора.

Вот фокусник, „маг и волшебник“, показывает маленьким зрителям загадочные фокусы и тут же в конце представления разоблачает себя, при чем всякий фокус получает

простое научное и техническое объяснение. Участвует и вечный Петрушка, который, однако, забыл свои старые скандальные повадки и уже не покупает у цыгана лошадь, расплачиваясь дубинкой, а ратует на арене культурной революции, высмеивая пороки взрослых и маленьких, обликая Чемберлена и пизмана.

Однако театр не ограничивается своей программой только задачами яркого и бодрого зрелища. Он приспособляет свой репертуар к запросам и требованиям различных возрастных групп зрителей.

Так, например, в настоящее время МТЮЗ готовит (для школьных помещений) ряд классических пьес, которые должны для старших школьных групп служить пособием при изучении русской литературы.

МТЮЗ за работой.

МТЮЗ является пионером новых форм массовой театральной работы. В этом залог его живучести и успеха.

Г. Л.

Дипломатическая отставка. Представитель Франции в Лиге Наций Поль Вонкур подал в отставку. Маневр Вонкура желто-социалистическая пресса старается представить, как доказательство неизменности и решимости социалистической партии бороться с кабинетом Пуанкаре. В действительности смысл этого инцидента в том, чтобы сеять среди мелкобуржуазных масс, недовольных налогами, дороговизной жизни и военными расходами, иллюзии, будто

Несмотря на старания министра иностранных дел Штрессмана, Бриана и Чемберлена отказываются освободить Рейнскую область от оккупационных войск до тех пор, пока не будут выплачены все репарационные платежи. Сейчас в Лугано снова собирается заседание комиссии экспертов по репарационным платежам Германии. Один из экспертов, представитель Франции — Алликс — на нашем снимке.

Таких примеров много. Только теперь намечается перелом в судьбах нашего изобретательства. Одним из показателей этого перелома является выход в свет нового журнала „Изобретатель“, который дол-

жен отстаивать права и услуги советских Лодыгиных, Поповых и Циолковских. На снимках: лампочка Эдисона и медаль.

50 лет электрической лампочки. В Нью-Йорке только что торжественно отпразднован юбилей: 50 лет электрической лампочки. Ко дню юбилея конгресс Соединенных Штатов вручил Эдисону воспроизводимую нами медаль: на лицевой стороне — портрет Эдисона, на обо-

Лампочка Эдисона.

единственный выход заключается в замене национального единения левым блоком радикалов. Отвлечь массы от компартии и убедить их в возможности левого блока — вот лучшее средство, которое социалисты теперь имеют для обслуживания интересов капиталистов, и „идейный“ поступок матевого социал-предателя Поля Вонкура не что иное, как очередная мистификация демагогов.

300 миллиардов марок должна была бы заплатить Германия союзникам, если бы лондонская конференция 1921 года не сократила разыгравшиеся аппетиты до 125 миллиардов. Суммы, выплачиваемые еже-

годно Германией, постепенно увеличиваются, и к 1928 г. достигли 2½ миллиардов.

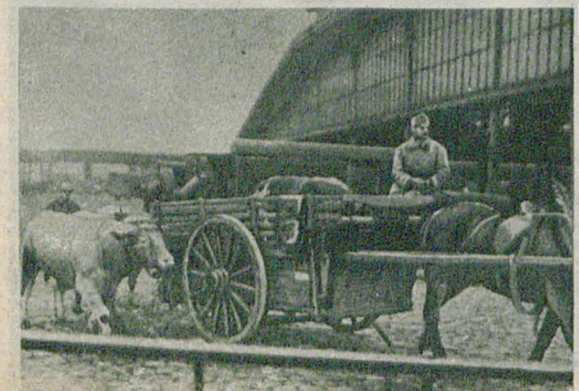
На парижских боях во время стачки выгрузка и убой скота, за отсутствием достаточного количества штрейкбрехеров, должны были производиться с помощью полицейских. Искус-

ственной — символическая фигура гения техники, возмужавшего электрического солнца над городом небоскреба, и надпись: „Своими изобретениями он осветил путь прогресса“.

Честь изобретения электрической лампочки принадлежит, однако, не Эдисону, а русскому ученому А. Н. Лодыгину. Лампы Лодыгина горели в Санкт-Петербурге уже в 1875 году, т.-е. за 4 года до эдисоновских.

Изобрел радио — русский, А. Попов, а лавры достались итальянцу Маркони. Изобрел дирижабль — русский, Циолковский; а почести были отданы Цепелину.

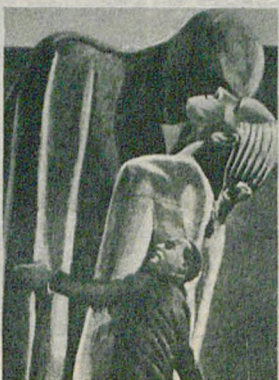
ство буржуазной полиции по-скотски обращаться с людьми хорошо знакомо; умеет ли она по-человечески обращаться со скотом — неизвестно.

Начальник лондонских городских Вильям Хорвуд со-старился и подал в отставку. Жандармерия в Великобритании поставлена по всем правилам искусства и средств на нее не жалуют. В 1927 г. на содержание полиции было истрачено 180 млн. рублей. В Лондоне же на каждого жителя падает 7 р. на содер-

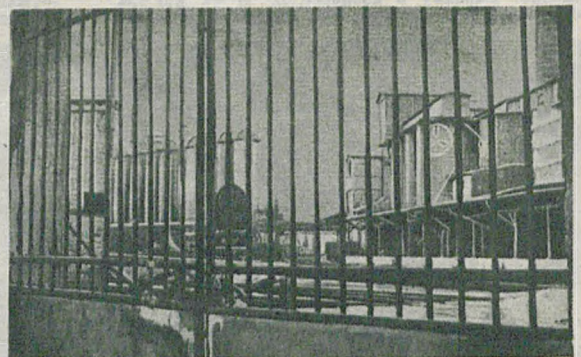
жание полицейских кадров. Такое дорогое учреждение, конечно, должно возглавляться солидным человеком. Неудивительно, поэтому, что новым начальником назначен бывший генерал-губернатор Канады лорд Винг, отличившийся во время империалистической войны в качестве командующего английским танковым отрядом на французском фронте.

„Великий освободитель“ — так именуется себя парижский па-

рикмахер моск Антуан Освободительная деятель-

Борьба в Рууре обостряется. Металлисты, истощенные и измученные непосильной борьбой с жестоким и подлым врагом, стойко держат знамя протеста и не поддаются на удочку желтых реформистов. Возмозвуют гигантские заводы и

верфи, сердце германской промышленности замерло и ждет исхода борьбы пролетариата.

На нашем снимке — запертые ворота на одном из металлургических предприятий в Рууре, где объявлен локаут.

ность его заключалась в введении модной стрижки — бубикопф. Мосей Антуан пользуется среди буржуазных дам поистине всемирной славой. Он не работает в парикмахерской, а развлекает из Европы в Америку и обратно. Повсюду, куда бы он ни приезжал, к нему в номер отеля стекаются вереницы стриженных дам, жаждавших завиться у великого мастера. „Магу и волшебнику“ так вскружили голову, что он и на самом деле вообразил себя гением и героем и сам воздвиг себе памятник, полный мелодраматической символики.

Вышедший № 8 журнала „За Рулем“ (орган Автодора) отразил настроения недавно происходившего в Москве Дорожного съезда.

На обложке показана безотрадная картина русского бездорожья; озавершивший и озо-

бленный возница железной лопатой бьет лошадей, не имеющую сил вытащить застрявший в грязи воз. Подпись под фотографией — „700 миллионов рублей убытку терпит СССР на своих непроходимых, непроезжих дорогах“ — вновь напоминает о предстоящей громадной работе по улучшению наших дорог.

В номере много интересных статей по автомобильному и дорожному делу, в частности — о 6-колесных автомобилях, а также большой отдел рабровских заметок, где имеется ряд ценных предложений.

Контрасты заграничной автомобилизации и нашего бездорожья, щедро разбросанные по номеру, подстегивают советского читателя к решительной борьбе с нашей отсталостью.

В номере напечатаны статьи Н. Осипского, В. Дмитриева, инж. Вышестравского, Дьякова, Н. Веляева, инж. Куприянова, проф. Верховского, Д. Маллора, проф. Е. Чудакова, инж. Муратова и др.

Леонард Франк принадлежит к числу наиболее известных писателей революционной Германии. Его новеллы и романы завоевали себе большую популярность и у нас, благодаря остроте тем и совзвучности их нашим настроениям.

В Библиотеке „Огонек“ вышел один из лучших рассказов Леонарда Франка „В последнем вагоне“, в переводе С. Васильевой. Рассказ читается с захватывающим интересом, и образы его героев надолго останутся в памяти читателей.

Научная фантастика — область сравнительно новая в нашей литературе. Но, повидимому, ей предстоит большое будущее, так как потребность в точных знаниях растет в наших читательских кругах, а беллетристическая форма

весьма способствует их популяризации. А. Р. Палей, написавший два фантастических романа, делает попытку внести в этот полезный жанр литературность, не умаляя его занимательности. Повесть А. Р. Палея „Гольфштрот“, изданная Библиотекой „Огонек“, является работой этого рода и читается с большим интересом.

ВИКТОРИНА—ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия сорок девятая: «ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ».

1. Кто сказал: „Не бог человека, а человек бога создал по образу и подобию своему“?
2. Откуда слова: „Чему смеетесь? Над собой смеетесь!“
3. Какое произведение русского классика оканчивается словами: „Непостижимое создание—человек“?
4. Кто сказал: „Будущее Германии на воде“?
5. По какому поводу и кем были сказаны слова: „Посторонись, ты заслоняешь мне солнце“?
6. Кем было сказано о революции 1905 г.: „Не надо было браться за оружие“?
7. Кто сказал: „Нет больше Пиренеев“?
8. Откуда цитата: „Мы еще повоюем, черт возьми!“
9. Кто и когда сказал: „Промедление смерти подобно“?
10. Кому принадлежат слова: „Суeta суeta и всяческая суeta“?
11. Кто сказал: „Мы находимся здесь по воле народа и уйдем отсюда только перед силой штыков“?
12. Откуда произошла поговорка: „Погибоша, аки обре“?
13. Чьи слова: „Глядя на мир, пельзя не удивляться“?
14. Кто и о ком сказал: „Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!“
15. Чья фраза: „От великого до смешного один шаг“?
16. Какое литературное произведение оканчивается словами: „А все-таки впереди огни“?
17. Последними словами какого великого поэта были: „Света, больше света!“
18. Чей лозунг: „Учиться, учиться и учиться“?
19. Чьи слова: „Рожденный ползать летать не может“?
20. Откуда фраза: „Хорошо поет, сооака, убедительно поет“?
21. Кто на вопрос, почему в его научных работах не упоминается о боге, ответил: „Я не нуждался в этой гипотезе“?

22. Кто, взойдя на эшафот, воскликнул, указывая на свою голову: „А между тем в ней было кое-что“?
23. Чьи слова: „Ох, тяжела ты, шапка Мономаха“?
24. Кто сказал: „Победителей не судят“?
25. Слова какого поэта: „Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать“?
26. Чьи слова: „С миру по нитке, бедному петля“?
27. Откуда цитата: „...Да только воз и ныне там“?
28. Кто сказал: „Я знаю только то, что ничего не знаю“?
29. Откуда фраза: „Свежо предание, а верится с трудом“?
30. Чьи слова: „Безумству храбрых поем мы славу“?

31. Кто автор слов: „Если у тебя есть фонтан—заткни его: дай отдохнуть и фонтану“?
32. Кто сказал: „Революцию может любить только тот, кто вышел из народа“?
33. Какому автору принадлежат слова: „Хоть видит око, да зуб неймет“?
34. Кому приписывают слова: „Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает“?
35. Кто сказал: „Человек рожден для счастья, как птица для полета“?
36. Герой какого известного произведения говорит: „Мне жизнь моя ничтожнее булавки“?
37. Кто сказал: „Победит тот, у кого крепче нервы“?
38. Чьи слова: „Всем телом, всем сердцем, всем сознанием—слушайте революцию!“
39. Откуда слова: „Ужасный век, ужасные сердца!“
40. Кто и кому сказал: „Приезжай — повешу“?
41. Про кого говорили, что „они ничему не научились и ничего не забыли“?
42. Какой известный писатель сказал: „Чем больше я узнаю людей, тем больше я люблю собак“?
43. Откуда слова: „И дым отечества нам сладок и приятен“?
44. Чьим лозунгом было: „Хлеба и зрелищ!“
45. Эпиграфом к какому классическому произведению является цитата из Библии: „Вкусная, вкусих мало меду, и се аз умираю“?
46. Чьи слова: „Законы святы, да исполнители лихие супостаты“?
47. Кто сказал: „Сжечь не значит опровергнуть“?
48. Откуда цитата: „Слова, слова, слова!“
49. Кто сказал: „Критика похожа на слепней, которые мешают лошади пахать землю“?
50. Какое известное классическое произведение первоначально называлось „Все хорошо, что хорошо кончается“?

ПЕЧАТАЕТСЯ И СКОРО

ВИКТОРИНА

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 419
АКЦ. ИЗД. О-ва „ОГОНЕК“
МОСКВА—1928

выходит в издании Библиотеки „Огонек“.

ОТВЕТЫ К СОРОК ВОСЬМОЙ СЕРИИ „ВИКТОРИНЫ“

1. Карл Маркс. 2. А. П. Чехов. 3. Клара Цеткин. 4. И. В. Сталин. 5. Л. Н. Толстой. 6. А. Б. Халатов. 7. А. М. Горький. 8. Н. И. Бухарин. 9. А. С. Пушкин. 10. Н. Г. Чернышевский. 11. Муссолини. 12. С. М. Буденный. 13. К. С. Станиславский. 14. Роальд Амундсен. 15. Н. В. Гоголь. 16. Г. В. Плеханов. 17. Л. Я. Сейфуллина. 18. В. Э. Мейерхольд. 19. Макдональд. 20. Чемберлен.

Редактор И. И. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. РЕДАКЦИЯ — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОПИТОРА — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 8-12-56. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-28-09.

ВАША ПОДПИСКА КОНЧАЕТСЯ!!!

Следующий номер «ОГОНЬКА» — последний за 1928-й год.

Возобновите подписку на 1929-й год немедленно. Своевременная подписка — залог аккуратной доставки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ — НА СЛЕДУЮЩЕЙ СТРАНИЦЕ.

Подписывайтесь на 19

...Настоящий чудак — человек благородный, веселый и в общем добрый. Он справедлив и потому часто сердится на различные безобразия в жизни. В гнев своем чудак страшен. Но он не сверлит, в нем нет желчного отношения к людям, он против ругани во что бы то ни стало, и даже сам вступает за несправедливо обруганных.

Чудак честен, правдив, не терпит лжи и лицемерия. И вот что самое главное в чуде: он сторонится проторенных удобных дорожек обывательского бытия, он идет той тропой, которая хоть и труднее, а правильнее по мнению чудака. Именно от этого свойства и пошла его кличка.

— Слышали, этот чудак отказался от местечка с побочными доходами. Вот чудак!

— Смотрите, смотрите, вот чудак-то!.. Уступил грязной старухе свое место в трамвае!

Обыватель не понимает чудака. Всякие поступки, не вмещающиеся в тесную обывательскую черепную коробку, всегда признавались чудачествами.

Ну, разве не чудак был Диоген, который на базе теплого древне-греческого климата мог жить под любым портиком, в тени любого афинского государственного здания? И, однако, видите, старик самоуплотнился в бочку без коммунальных услуг (и без бюрократизма), несмотря на то, что, как философ и научный работник, несомненно имел право на дополнительную площадь через Афин-Цекубу.

Чудаком представлялся своим современникам и Христофор Колумб. Ну, скажем, любил человек плавать. Пожалуй, плавать в Средиземном море! Море тихое, интеллигентное, как раз для одиночки. Но нет! Как истинный чудак, Колумб бросается в неназванные пучины Атлантики. И что же? Открыл Америку!

Исаак Ньютон. Вместо того, чтобы, сидя под яблоней, есть сочное мясо плодов этого дерева, мечтательный юноша ломал голову над глупым на первый взгляд вопросом: почему эти самые плоды падают на землю вертикально, а не каким-нибудь причудливым вигвагом?

— Исаак! Сойди уже с дерева! — говорила старуха-мать печально. — Ну, разве не чудак наш мальчик!.. — А чудак этот — ввел да и открыл закон всемирного тяготения.

...Вероятно, вы уже заметили, что все чудачки, о которых мы говорим, принадлежат к дореволюционной эпохе.

— Где же чудак советский? — в праве вы спросить.

Не беспокойтесь. Он существует.

ЧУДАК

Еженедельный художественный
= журнал сатиры и юмора =

Под редакцией М.Х. КОЛДОВА.

Вот он, советский чудак, бедро выходящий на дорогу, и горючие шесты, бороздчатые, бороздчатые, античных и ласковых предтеч нашей советской жизни, на радость всем честным труженикам, желающим жить и работать бодро, с улыбкой.

Познакомьтесь с „Чудаком“, узнайте его намерения и деловые планы.

ЧУДАК

Еженедельный, веселый, литературно-сатирический, обильно иллюстрированный, многокрасочный журнал, с участием лучших литераторов и художников, на 16 страницах.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА в 1929 году:

„ЧУДАК“ с ПРИЛОЖЕНИЕМ БИБЛИОТЕКИ „ВСЕМИРНЫЙ ЮМОР“ (12 книжек в год). На год — 6 р., на 6 мес. — 3 р. 20 к., на 3 мес. — 1 р. 70 к. и на 1 мес. — 60 к.

2. „ЧУДАК“ с ПРИЛОЖ. БИБЛ. „ВСЕМИР. ЮМОР“ и „ПУТЕШЕСТВИЕ ЧУДАКОВ ПО ЕВРОПЕ“. На год — 8 р., на 6 мес. — 4 р. 20 к., на 3 мес. — 2 р. 70 к. и на 1 мес. — 1 р. 60 к.

Подписчики на журн. „ЧУДАК“ могут получить на льготных условиях:

52 номера „Огонек“ 24 тома А.П. Чехова журн. „Чудак“ 12 нн. библ. „Всем. Юмор“

за 21 р. 50 к. ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА: — при подписке 5 р., к 1 марта — 4 р., к 1 мая — 5 р., к 1 июля — 4 р. 50 к. и к 1 сент. — 3 р.

Уплатившие годовую плату полностью при подписке — получают скидку в один рубль и бесплатную премию — многокрасочный альбом-альманах — „ПУТЕШЕСТВИЕ ЧУДАКОВ ПО ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 год

на ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ общественно-литературный и научно-популярный иллюстрированный журнал

Всероссийск. О-ва „АВТОДОР“

ЗА РУЛЕМ

Ответственный редактор Н. Осинский.

ЗА РУЛЕМ — ПРАКТИЧЕСКОЕ

ЗА РУЛЕМ — УЧИТ

ЗА РУЛЕМ — ИНФОРМИРУЕТ

ЗА РУЛЕМ — УВЛЕКАЕТ

руководство для каждого интересующегося улучшением дорог и автомобилем, страны.

обращению с автомобилем, мотоциклом, глассером, автосаними, моторной лодкой и т. д., а также дает указания по вопросам проведения дорог, улучшения их, организации дорожных товариществ.

о достижениях Европы и Америки в автомобильном и дорожном деле и о возможностях применения их во всех отраслях нашего хозяйства.

романтикой автомобилизации необъятного Советского Союза и бесконечн. перспект. улучш. наших дорог.

В 1929 году „ЗА РУЛЕМ“ даст **СПРАВОЧНУЮ КНИГУ АВТОДОРОЖЦА.**

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: (с прилож.) год — 5 р. 50 к., 6 мес. — 3 р. 50 к., 3 мес. — 2 р. 30 к. (без прилож.) год — 4 р. 50 к., 6 мес. — 2 р. 50 к., 3 мес. — 1 р. 30 к., 1 м. — 50 к.

ЕСЛИ ВЫ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ
ФОТОГРАФИЕЙ,
ЧИТАЙТЕ

СОВЕТСКОЕ
ФОТО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 г.

журнал фото-любительства и фото-репортажа — массовый орган советского фото-движения. Программа журнала: Задачи советской фотографии. — Вопросы фото-техники. — Практика. — Основы композиции снимка. — Как фотографировать для журналов и газет. — Фото-любитель на службе низовой печати. — Фото-репортаж у нас и за границей. — Заграничные новинки фотографии. Обзор иностранной фото-прессы. — Уроки фотографии для начинающих. — Отдел усовершенствования (новш. квалификация уже знакомого с фотографией фото-люб.). — Фото-кружки при рабочих клубах. — Голоса читателей. — Вопросы и ответы. — Фото-общественность. — Фото-критика. — Отзывы о снимках читателей. — Конкурсы с премией.

С 1929 года журнал будет выходить два раза в месяц.

ЖУРНАЛ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ по способу худож. печати (мощь - тинто).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1929 г.: Журнал без приложений: год — 6 р., полгода — 3 р., 3 мес. — 1 р. 50 к., 1 мес. — 80 к. Журнал с приложением 12 книг „Фотографическая Библиотека“ (1600 стр. в год): на год — 10 р., полгода — 5 р., 3 мес. — 2 р. 50 к., 1 мес. — 1 рубль. За приложение „Фото Альманах“ подписчики доплачивают при подписке 1 рубль. Бесплатная премия подписчикам, внесшим подписную плату сразу за год: „Календарь-Справочник Фотографа на 1929 год“, остальным подписчикам — за доплату в 1 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 г.

на ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХОДЖ., КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ, ДОМАШНЕ-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ и МОДНЫЙ

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Художественная литература. Культура и быт. Здоровье семьи. Воспитание ребенка. Дом и хозяйство. Питание. Кройка и шитье. Рукоделие. Домашние ремесла. „Наша страница“. Моды (в красках). И КАЖДОМУ НОМЕРУ ПРИЛАГАЮТСЯ БЕСПЛАТНО: 1) Вырезная выкройка (для подписчиков), 2) Контурный лист и 3) Детский Уголок.

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ дает своим подписчикам 3 ПРЕМИИ: ГОДОВЫЕ ПОДПИСКИ (уплатившие подписную плату сразу за год) получают 2 БЕСПЛАТНЫХ премии: 1) „Справочную книгу для женщин“. 2) Две новые книжки „Библиотека Огонек“ и 3) за доплату в 50 к. книгу „Шитье на дому“ (в розн. прод. 1 р. 50 к.) ПОЛУГODOВЫЕ ПОДПИСКИ (внесшие сразу плату за 6 м.) получают 3 премии: 1) „Справочную книгу для женщин“ и 2) пять новых книжек „Библиотека Огонек“ ТРЕХМЕСЯЧНЫЕ ПОДПИСКИ получают БЕСПЛАТНО компл. выкроек женского, мужского и детского платья.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 1 год — 10 руб., полгода — 5 руб. 50 коп., 3 мес. — 3 руб., 1 мес. — 80 коп. Для годовых подписчиков (без премий) допускается рассрочка: при подписке — 4 р., к 1 апреля и к 1 июля по — 3 р. Цена отдельного номера — 1 руб. 30 коп.

ПОДПИСЧИКИ „ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА“ МОГУТ ПОЛУЧИТЬ НА ЛЬГОТНЫХ УСЛОВИЯХ 52 журн. „Огонек“ 24 тома А.П. Чехова 12 ном. „ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ“ за 25 р. Допускается рассрочка: при подп. — 6 р., 1/III — 5 р. 50 к., к 1/V — 4 р. 50 к., к 1/VII — 5 руб. и к 1/X — 4 руб.

ВРЕ ГОДОВЫЕ „ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА“ (без „Огонька“, внесенно одновременно подписную плату, могут получить собр. сочин. А. П. ЧЕХОВА (новое издание Госиздата (в 24 томах) за доплату в 11 руб. 50 коп.

В 1929 году „ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ“ будет рассылаться подписчикам, подписавшимся непосредственно в Главной Конторе в обанкероленном виде с наклейкой индивидуального адреса.

НА ВСЕ ЭТИ ИЗДАНИЯ ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ:

Подписка также принимается на почте, письмомосцами; в отделениях

АНТОН ЧЕХОВ

24 тома

под редакцией и со вступительной статьей А. В. Луначарского, с биографией А. П. Чехова, написанной В. М. Фриче, и рядом статей ЛИТЕРАТУРНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-МАРКСИСТОВ.

(НОВОЕ ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА РСФСР)

ПРИЛОЖЕНИЕ на 1929 г.

к самому распространенному еженедельному иллюстрированному журналу

ОГОНЕК

Это собрание сочинений А. П. Чехова явится первым после-революционным изданием; в нем впервые будет напечатан ряд неизданных произведений А. Чехова. Собрание сочинений состоит из 24 томов, напечатанных уборым четким шрифтом, на улучшенной печатной бумаге (около 4.600 стр.). Ежемесячно подписчики будут получать по 2 тома.

1-й АБОНЕМЕНТ: 52 №№ журн. „ОГОНЕК“
с приложением сочинений А. П. ЧЕХОВА в 24 томах при подписке—4 руб., к 1 марта—4 р. 50 к., к 1 мая—4 р. и к 1 июля—3 р. 50 к.

2-й АБОНЕМЕНТ: 52 №№ журн. „ОГОНЕК“
с приложением 104 книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“ (произведения лучших советских и иностр. авторов) по 2 книжки еженедельно. Год—13 р. 50 к. полгода—7 р., 3 мес.—3 р. 75 к., 1 мес.—1 р. 40 к.

3-й АБОНЕМЕНТ: 52 №№ журн. „ОГОНЕК“
с прилож. сочинений А. П. Чехова в 24 томах и 104 книжки Библиотеки „ОГОНЕК“ Год—24 р. 50 к. при подписке—5 р. 50 к., к 1 марта—5 р., к 1 мая—5 р. 50 к., к 1 июля—4 р. и к сент.—4 р. 50 к.

4-й АБОНЕМЕНТ: 52 №№ журн. „ОГОНЕК“
и 50 №№ сатирич. журн. „Чудак“ с прилож. сочин. А. П. Чехова в 24 том. и 12 книж. Год—21 р. 50 к. библи. „Всемирный Юмор“. Год—РАССРОЧКА: при подписке—5 р., к 1 марта—4 р. к 1 мая—5 р., к 1 июля—4 р. 50 к. и к 1 сент.—3 р.

5-й АБОНЕМЕНТ: 52 №№ журн. „ОГОНЕК“
и 12 №№ ежемес. богато иллюстр. домашн.-хозяйств. и модного журнала „Женский Журнал“, а по 5-му абонементу получают с прил. сочин. А. П. Чехова в 24 том. Год—25 р. РАССРОЧКА: при подп.—6 р., к 1 марта—5 р. 50 к., к 1 мая—4 р. 50 к., к 1 июля—5 р. и к 1 сент.—4 р.

„ОГОНЕК“ БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:

Год (52 №№)—4 р. 50 к., полгода—2 р. 40 к. 3 мес.—1 р. 20 к., 1 мес.—40 к.

Подписчики, внесшие до 1 января 1929 г. подписку, плату полностью ЗА ГОД, получают СКИДКУ по 1-му и 3-му абонементам—В ОДИН РУБЛЬ; по 4-му абонементу СКИДКУ—ОДИН РУБЛЬ и БЕСПЛАТНО многокрасочный альбом „ПУТЕШЕСТВИЕ ЧУДАКОВ ПО ЕВРОПЕ и АМЕРИКЕ“, а по 5-му абонементу получают БЕСПЛАТНО ДВЕ ПРЕМИИ—„Справочник для женщин“ и 10 книжек „Библиотеки ОГОНЕК“ и за доплату 50 коп.—книгу „ШИТЬЕ НА ДОМУ“ (в розничной продаже 1 р. 50 к.). Все журналы Издательства „ОГОНЕК“ в 1929 г. будут рассылаться подписчикам в обандероленном виде, с наклеенной индивидуальной адреса. В виду ограниченного тиража, желающие обеспечить за собой сочинения ЧЕХОВА—должны подписаться ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 год на

ежемесячный массовый популярно-технический иллюстрированный журнал

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“—первый в мире журнал творческих идей и изобретательской мысли—издается при участии крупнейших литературных и технических сил.

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“—орган ЦВРИЗ'а (Центрального Бюро по реализации изобретений и содействию изобретательству)—помогает провести в жизнь и реализовать изобретения и дает на своих страницах все, что надо знать изобретателю.

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“ освещает все бытовые, правовые и технические вопросы советских и зарубежных изобретательства в общем плане индустриализации и социалистического строительства СССР, он нужен каждому рабочему, технику, инженеру, хозяйственнику.

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“ дает 24 книжки „БИБЛИОТЕКИ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ“, включающей биографии изобретателей и важнейшие бытовые, технические и правовые вопросы изобретательства.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1929 год:

на год—3 р. 50 к., на 6 мес.—1 р. 80 к., на 3 мес.—1 р., на 1 мес.—35 к. Цена отдельного номера „Изобретателя“ 35 к. С приложением „Библиотеки Изобретателя“: на год—6 р., на 6 мес.—3 р. 25 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 1 мес.—65 коп. Подписавшиеся на год и полгода получают выходящий в декабре номер БЕСПЛАТНО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 г.

ЖУРНАЛИСТ

преобразованный в ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ массовый, политический, производственный и профессиональный журнал, посвященный злободневным вопросам печати.

Редколлегия „ЖУРНАЛИСТА“: С. Пичков, Г. Заболотный, Лазарь, Мих. Кольцов, А. Мариничий Зав. редакцией П. Б. Краснов.

Редактор, журналист, газетно-журнальный художник, литератор, рабоче-крестьянский корреспондент, редколлегия стальных газет, издатель, работник распространения и рекламы, корректор—найдут в „Журналисте“ практические указания и материалы в помощь своей профессии.

В „ЖУРНАЛИСТЕ“ будут печататься РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ, фельетоны и стихи, рисующие жизнь редакций и литературно-журналистский мир, а также межузлы, исторические документы, воспоминания из прошлого печати.

„ЖУРНАЛИСТ“ будет уделять особое место изучению советского читателя, его интересов, запросов и требований, представляемых печати.

„ЖУРНАЛИСТ“ будет выходить на хорошей бумаге, в оригинальной обложке, с большим количеством рисунков и иллюстраций, по образцу лучших европейских изданий.

За оформление „ЖУРНАЛИСТА“ удостоился в 1927 году диплома первой степени на Всесоюзной Полиграфической выставке.

УСЛОВИЯ ПОДПИСК: 12 мес.—6 р. 50 к.; 6 мес.—3 р. 50 к.; 3 мес.—2 р.; 1 мес.—70 коп. Цена отдельного номера—35 к.

МОСКВА 6, Страстной бул. 11, Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“ „ПРАВДЫ“ и „ИЗВЕСТИЙ ЦИК“, у контрагентов и в киосках Контрагентства Печати.

С этим №-ром по 1-му абонементу подписчикам рассылается книга 23-я Полного Собрания Льва Толстого. По 2-му абонементу — книжки „Библиотеки ОГОНЕК“: Леонард Франк — В последнем вагоне; А. Р. Палей — Гольфштрот. По 3-му абонем. — 23-я кн. Л. Н. Толстого и 2 кн. „Библиотеки ОГОНЕК“: Л. Франк и А. Палей.

АЛЬБОМ
РИСунков для ВЫВешивания
в детских комнатах

37 табл. больш. форм. на отд. листах, с прилож. 12 шт. пилон. С перес. ц. 3 р. 50 к. Коопер. Т-во „СОВРЕМЕННИК“ Москва, ул. Герцена, 31/3.

ОБУВНОЕ
производство РУЧН. и МЕХАН.

Общедоступ. руковод. для самообуч. и усовершенств. Сост. по новейшим иностр. источн. инж. М. Мишин. 217 стр. в перепл., с перес. ц. 2 р. 75 к. Коопер. Т-во „СОВРЕМЕННИК“ Москва, ул. Герцена, 31/3.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ

Все виды спорта. Одобрен Ленин. Советом Физкультуры. Выше 500 стр., 100 рис. Ц. 2 р. 90 к. с пер. Кооп. Т-во „СОВРЕМЕННИК“ Москва, ул. Герцена, 31/3.

ЧЕРТЕЖНОЕ
искусство изучайте по нов. самоучителю, составл. по методу изв. франц. проф. Ж. Мартена и друг. иностр. источн. В кн. 272 стр. 290 карт. Сост. инж. Мишин. С пер. ц. 2 р. 75 к. Москва, ул. Герцена 31/3. Кооп. Т-во „Современник“

НОТЫ ПОЧТОЙ ЛЮБЫЕ НЕМЕДЛЕННО ВЫСЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА (Москва, Неглинная, 14/10) (фортепиано, вокальный, балет, дуэтов, оркестр, струнный, мас. дуэтов, литер. кн. по музыке).

КАТАЛОГИ: ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО!

ИЗБАВИТЬСЯ!!
НАВСЕГДА МОМЕНТАЛЬНО

от мозолей, бородавок и пота от крыс, мышей, клопов, тараканов, и др. паразитов

может каждый, выписав следующие продукты:

- „Эксоль“ — от мозолей и бородавок . . . 2 р. —
- „Явот“ — радик. средство от пота . . . 1 р. 75 к.
- „Клопин“ — момент. уничтож. клопов . . . 2 р. 50 к.
- „Тараканон“ — от всяких тараканов . . . 2 р. 75 к.
- „Крысомор“ — истребляет крыс и мышей . . . 2 р. 25 к.

„Антипаразит“ — идеальн. средство от вшей и блох 1 р. 50 к.

Качество гарантировано. Заказы высылаются по получ. их стоим. Адрес: Москва, Почтамт, И. ТОЛЬЦ — почтовый ящик № 980.

Опеч. ВОЛОС (выпадение, перхоть и пр.), УГРЕЙ, прыщи и др. космет. лечен. Эл.-светолечение Говя. Солян. Д-р М. Катцен. Тверская, д. 62

ДЕВИЛАТОРИЙ W. M. „ЭЛЭМ“

Порошок для моментальн. уничтожения волос. Ц. за банку 6 р. 50 к., 3 р. 50 к. и 1 р. 75 к.

Россеетерский восстановитель волос „ЭЛЭМ“ постепенно возвращ. седым волосам их натур. цвет, блеск и вид молодости. Флак. 2 р. 75 к.

Чернила для метки белья — черные несмываемые — необходимы всем больницам, столовым, бельевым фабрикам и частн. лицам. Цена 85 к. и 4 руб.

Кооператив „ЭЛЭМ“ Москва 9, Тверская 15, отд. 1.

Высылаются налож. плат. по получ. 50% стоимости. ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Акц. О-во „СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“ — ГОСИЗДАТ РСФСР.

МАЛАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В ШЕСТИ ТОМАХ (в переплетках)

Главный редактор Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ.

„Быть рупором пролетарской революции и орудием прояснения классового самосознания широких масс, орудием просвещения и строительства — задача МСЭ“.

Из предисловия.

МСЭ — небольшая народная энциклопедия для широких масс.

МСЭ — рассчитана на средний актив советской общественности — городских рабочих, учащихся на разного рода курсах, на интеллектуальную и политическую верхушку рабочей массы — рабфаковцев, рабочих актив и рабочих пропагандистов, агитаторов, учеников старших групп трудовых школ, сельских учителей, передовой слой крестьянской молодежи и всех желающих пополнить свои знания путем самообразования.

Все издание будет закончено до 1-го июня 1930 года.

Стр. 960 + 374 иллюстр.

Вышел том I. Подписная цена 5 р. 50 к. за том. Задаток 3 р. Пересылка за счет подписчика. Упаковка за счет издательства.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписку направлять: Москва Центр, Ильинка, 3, ГОСИЗДАТ, Тел. 4-87-19, в отделения и магазины.

ЛЮБУЮ КНИГУ

выссылает наложен. платежом КУЛЬТ. ПРОСВЕТ. О-ВО „ПРОМЕТЕИ“ Москва, Центр, Никольская 3/0.

Важно СЕКРЕТАРЯМ

делопроизвод., протоколист. и др. Вышло пособие по редактированию речей, докладов и т. п. (издан. 3-е, 1928 г.). Цена 1 р. 70 к., налож. плат. — 2 р. Гор. Пермь, Первым Заочным Курсам Стеногр. — Ивонскому, И. А.

Настольн. энциклопедический Словарь-справочник

в колеекор. перепл. 688 стр. III доп. изд. Ц. 4 р. 50 к. Высылает наложен. платежом Культ. Просв. О-во „Прометей“ Москва Центр, Никольская 3/0.

ПИЛОЧКИ
ЛОБОВИКОВЫЕ

1 дюж. шилок по дереву 40 к., 1 дюж. пилон по металлу 50 к. с перес. и упаковкой.

При заказе от 6 дюжин, скидка 10% (можно почтов. марками). Торг. орган. отпав. пена. Москва, Почтамт ящ. № 522. Произв-ву „ЯКОРЬ“ И. В. ШПИЗ и Я. С. ШОХЕРМАН.

КРОЙКА С. Ф. ИВАНКОВИЧ

МУЖСКОГО, ЖЕНСКОГО и детского ПЛАТЬЯ и БЕЛЬЯ

Руководство, составл. по программам, разработанным и утверждены. ГЛАВПРОЕБОМ, дает возможность вполне научиться теории и практике кройки, как главной основы техники швейного дела, научно составлено по общепризнанной координатной системе. 2 тома большого формата с 200 чертеж., рисунок. и таблиц. по вычислению пропорциональности мерки. Цена за 2 тома по предварительной подписке 15 р., задаток 8 р., остальная сумма уплачивается по шести рублям при получении каждого тома. Москва 6, Цветной бульв., 25/0.

Акц. О-во Московское Научное Изд-во „МАКНЗ“.

ТЕА-КИНО-ПЕЧАТЬ

Москва 9, Страстная пл. 2/0

Вышел и рассылаются подписчиками первый том книги В. Н. ВОСЕВОЛОДСКИЙ-ГЕРНГРОСС

История Русского Театра

в 2-х томах. 576 стр., 44 иллюстр. на вкладных листах, на меловой бумаге. „Мы можем поздравить русскую литературу с обобщением ее ЦЕННЫМ и серьезным трудом в области, не насчитывающей пока большого количества нужных нам работ“.

(Из предисл. А. Луначарского).

Подписка продолжается. Цена 10 р. за 2 тома. Допускается рассрочка: при подписке — 3 р., при получении 1 тома — 4 р., при получении второго тома — 3 руб. Внешние подписку плату полностью и вперед за ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТИТ.

В розничную продажу книга не поступает, а до удовлетворения всех подписчиков. Заказы направлять: Москва 9, Страстная бульвар, 2/0. Изд. „ТЕА-КИНО-ПЕЧАТЬ“.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА! ОЖЕРЕЛЬЕ из ЖЕМЧУГА франц. типа „КЕПТА“

искусств., массивн., тяжеловесн., не блещ., не отлич. от настоящ., 42 сант., с серебр. замк. — 9 руб., 50 сант. с серебр. замк. — 11 р., 65 сант., с серебр. замк. — 14 р. 180 сант. — 23 р., 150 сант. — 27 р., 170 сант. — 31 р.

СЕРЬГИ франц. типа „КЕПТА“ серебр., последн. модн. фасон. — 4 р. 65 к. Упаковка, пересылка и страховка посылки бесплатно. Высылаю наложен. платежом. Ленинград 40, Пушкинск. 10, кв. 66., А. В. Штейн

МУЗЫКА

ДЕШЕВЛЕ и ЛУЧШЕ ВСЕХ БАЯНЫ

40 илав. 70 бас. 225 и 230, 49 илав. 90 бас. — 300, 350 и 400 руб.

2-хрядн. 335, 40, 45, 55, 65, 75, 85, 100 и 125 р.

ТАРЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

ДОПОЛНИ в 15, 18, 20, 25, 30, 40 и 50 руб.

Балайки в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р.

Полное оборудование великорусских оркестров. Прейс-курнт за две 10-ноп. марки высылают

1-е Моск. Музык. Т-во Н. АВИЛОВА, А. СОКОЛОВА и № МОСКВА, Покровка 55/0.